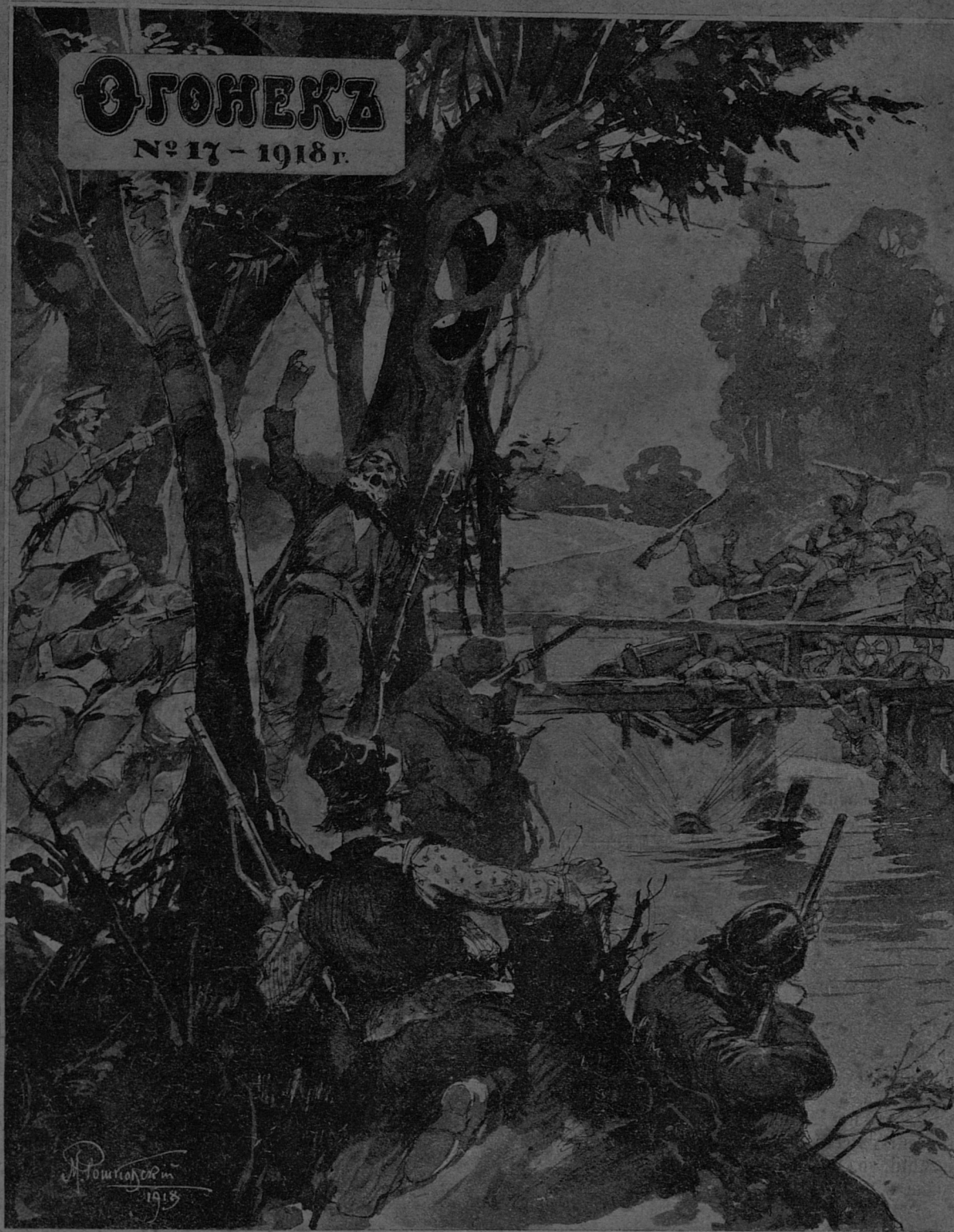

ОГОНЕКЪ

№ 17 - 1918 г.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВООРУЖЕННАГО ПОХОДА ГОРОДА НА ДЕРЕВНЮ.

Рисунокъ художника журнала „Огонекъ“ М. В. РОШКОВСКАГО.

Декретомъ, опубликованнымъ 22 (9) мая за подписью Предсѣдателя Совнаркома В. Ульянова (Ленина) и Наркомпрода Цурюпа было предписано организовывать въ городахъ вооруженные отряды, чтобы привозить хлѣбъ изъ деревни. Въ декретѣ говорилось, между прочимъ: „Надо взять его силой надо бороться за хлѣбъ, и мы призываемъ васъ къ этой борьбѣ, записывайтесь въ ряды продовольственныхъ отрядовъ, организуемыхъ комиссарами продовольствия, оружiе и необходимыя средства будутъ даны вамъ; иныхъ мѣръ, противъ протягивающей костлявой руки голода, которая дала бы неисчислимо положительные результаты, нѣтъ“.

Дружины организовывались, однако, не весьма энергично, такъ какъ множество рабочихъ и профессиональныхъ организаций высказалось противъ насильственного добыванiя хлѣба изъ голодной деревни. Результаты посланки отрядовъ оказываются также весьма неутѣшительными. Напримѣръ, по сообщенiю „Вечерняго Часа“ отъ 11 июня, „въ деревнѣ Нѣшино, находящейся верстахъ въ 12 отъ Новгорода, красноармейцы собрали крестьянъ и потребовали у нихъ хлѣбъ. Крестьяне заявили, что они хлѣба не имѣютъ, а сами голодаютъ и сидятъ на мякинѣ. Красноармейцы потребовали картофеля, но и въ этомъ получили отказъ. Тогда начальникъ отряда распорядился, начать повальный обыскъ во всѣхъ домахъ и отбирать всѣ продовольственные продукты. Пока красноармейцы производили обыскъ, крестьяне вооружились винтовками, вышли изъ деревни и въ 4 верстахъ отъ Нѣшино устроили передъ мостомъ засаду. Нѣсколько досокъ на мосту они подпилили. Когда автомобиль съ красноармейцами, нагруженный яйцами, картофелемъ и молочными продуктами, въѣхалъ на мостъ, доски рухнули и задняя часть кузова автомобиля провалилась въ яму. Крестьяне, выйдя изъ-за деревьевъ, дали подъ-рядъ три залпа, въ результатъ которыхъ 27 человекъ красноармейцевъ оказались убитыми на мѣстѣ, 8 ранено, остальные пять человекъ бросили ружья.“

Крестьяне отпустили красноармейцевъ, помогли имъ уложить раненыхъ и убитыхъ на автомобиль. Оружiе и продукты крестьяне отобрали.“

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА: Государственная Типография, Гатчинская, 26, входъ со двора
и въ конторѣ „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50 (уг. Садовой).

Иллюстрированный очеркъ для
„Огонька“ ПЬЕР-О.

Берусь за перо съ полнымъ сознаниемъ своего долга передъ будущимъ историкомъ.

Начнетъ историкъ Великой русской революции рыться въ историческихъ матеріалахъ, станетъ перелистывать современные иллюстрированные журналы, какъ въ зеркалѣ отразившіе жизнь нашихъ дней. Увидитъ онъ и гражданскую войну, и митинги, и портреты политическихъ дѣятелей, и жизнь городовъ и деревень, увидитъ улицу съ ея торговлей и самосудами... Многое увидитъ. Но тайны отдѣльныхъ домовъ, этихъ муравейниковъ, въ которыхъ зарылся запуганный обыватель, такъ и не узнаетъ.

Ихъ знаютъ домовые уполномоченные. Потому что уполномоченный, если онъ стоитъ на высотѣ своего положенія, на основаніи нѣсколькихъ декретовъ, сотни разныхъ приказовъ, предложеній и предписаній отъ разныхъ совѣтовъ, учрежденій и организаций, долженъ знать жизнь и душу и даже образъ мыслей каждаго живого существа въ его домѣ.

Именно существа, а не только человека. Потому что, если это существо—собака, уклоняющаяся отъ пятидесятирублеваго налога, то уполномоченный отвѣчаетъ за ея сокрытие въ квартирѣ жильцовъ, почтившихъ его избраніемъ.

Я занимаю почетную должность уполномоченнаго въ нашемъ домѣ съ первыхъ дней учрежденія института уполномоченныхъ въ Петроградѣ *).

И съ гордостью могу сказать, что я рѣдкій уполномоченный, такъ какъ ни

разу не былъ убитъ и даже побить ни внѣшними врагами (на улицѣ), ни внутренними (на территории нашего дома).

А чтобы историкъ лучше уяснилъ, насколько должность уполномоченнаго ответственна и въ смыслѣ неприкосновенности личности опасна, я думаю—поступлю благоразумно, если опишу хотя бы всего только одинъ день своей трудовой общественной дѣятельности.

Ну, хотя бы—вчерашній.

Наканунѣ я метался въ страшномъ кошмарномъ снѣ.

Снилось, будто голова моя продѣта въ окошечко гильотины, на которой кровавыми буквами было начертано: «Три мѣсяца тюрьмы», «Три тысячи штрафа» и «Смертная казнь»! А съ потолка сыпался дождь декретовъ и обязательныхъ постановленій съ непремѣннымъ поощрительнымъ параграфомъ, въ которомъ говорилось, что въ случаѣ уклоненія отъ исполненія этихъ постановленій виновный подвергается наказаніямъ по всемъ строгостямъ военно-революціоннаго суда.

Но потомъ этотъ сонъ разбѣялся, и я успокоился.

А подъ утро мнѣ вдругъ приснилась изящная женская ножка въ лакированныхъ туфелькахъ и чулкахъ паутинкой.

Я проснулся и улыбнулся.

— Ножка... Что бы это могло значить?..

Ахъ, да,—вспомнилъ я,—это ножка молоденькой дамочки изъ квартиры № 1-ый. Пришла она ко мнѣ въ четвергъ вечеромъ (пріемные часы у меня въ Домовомъ Комитетѣ не ограничены), выставила кокетливо свою ножку и говорить.

— Если вы хорошій уполномоченный, то обратите вниманіе на эту ногу...

— Сударыня,—отвѣтилъ я,—и, не будучи домовымъ уполномоченнымъ, я не могъ бы не обратить вниманія на такую очаровательную ножку.

— Нѣтъ, вы всмотритесь внимательнѣе; что вы въ ней замѣчаете?

Для удобства я сталъ на колѣни и устремилъ взоръ знатока на предметъ изслѣдованія.

— Ну что же вы скажете?—топнула она нетерпѣливо.

— Во-первыхъ, замѣчательно красивый подъемъ, во-вторыхъ, рѣдкая миниатюрность и красота линіи, продолженія которой я, къ сожалѣнію, не вижу изъ-за юбки.

— Да нѣтъ, не то. Дырку... дырку то на чулкѣ вы видите?

— Ахъ да. Дѣйствительно, дырочка, но, право—это очень мило... Она вамъ очень къ лицу... т. е., виновать, къ ногѣ... Какой чудный цвѣтъ кожи!—сказала я,

забывъ, что пора встать и сѣсть на свое мѣсто.

— Ну, а мнѣ это совсѣмъ не нравится,—захохотала дамочка.—А потому дайте мнѣ ордеръ на чулки.

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

*) Справка для историка: Петроградъ—это бывшая столица Россійской имперіи, переименованная изъ Петербурга и нѣкоторое время носившая названіе «Хамъ-Бургъ». Теперь, по утвержденію однихъ,—это будущій вольный городъ, по утвержденію другихъ—столица Финляндіи.

3122

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей необязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

Еженедельный художественно-литературный журнал
Огонек
Годъ изданія 11-й.

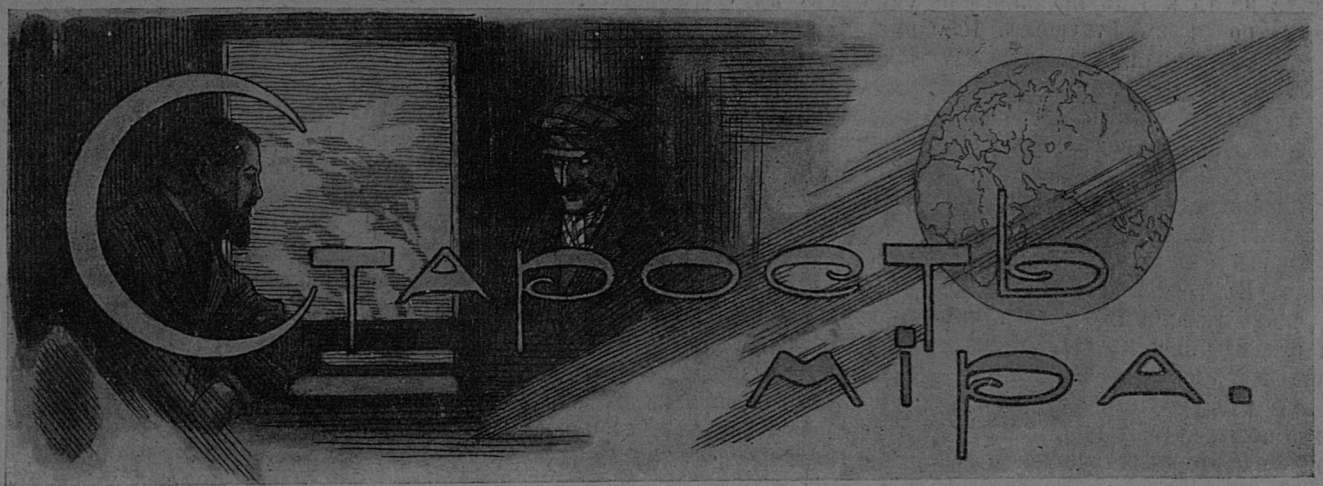
Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 75 коп.
въ Петрограда 80 коп.
на ст. жел. дор. 85 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 17

Воскресенье, 30 (17) іюня 1918 г.

№ 17

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ А. И. КУПРИНА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. С. ЛОДЫГИНЪ.

Замѣчали ли вы, что часто такъ бываетъ: огонекъ фонаря надъ дверью купе вотъ-вотъ догорить, на маленькой остановкѣ онъ дѣлаетъ послѣднія трепетныя усилія вытянуться вверхъ своимъ длиннымъ синимъ языкомъ, но, какъ только снова тронулся поѣздъ, онъ, точно по уговору съ паровозомъ, быстро падаетъ въ дыру фонаря и умираетъ.

Такъ было и теперь. Фонарь давалъ очень мало свѣта, а когда онъ потухъ, то сразу въ оконное стекло заглянула сѣверная бѣлая ночь, но не опаловая, ясно черламутровая, таинственно-обѣщающая, а съ мелкимъ дождемъ, анемично-блѣдная, брюзгливая и кислая, какъ пятидесятилѣтняя дѣвственница, разбуженная не во-время и по пустякамъ. Мимо насъ, мелькая все назадъ, понеслись низкіе кустарники, вочки, похожіе на рыжіе бородавки, кривые, испуганныя, зябкія березы.

Былъ третій часъ ночи. Мы занимали купе только вдвоемъ: я и словоохотливый господинъ въ англійскомъ картузѣ съ четырехугольнымъ козырькомъ. Онъ сидѣлъ напротивъ меня въ углу, между стѣнкой вагона и спинкой дивана. Я еще раньше, при свѣтѣ нынѣшняго яснаго вечера, почти дня, видѣлъ моего сосѣда и тогда отчетливо зналъ черты

его лица и помнилъ ихъ. Но лишь погасъ огарокъ и вошелъ въ купе тусклый полурасвѣтъ, я забылъ это лицо и никакъ не могъ возстановить его въ памяти.

Онъ откашлялся. Сейчасъ заговорить—подумалъ я,—и по голосу я опять мысленно увижу его.

— Я боюсь,—сказалъ онъ,—я боюсь, что мой такой нежелѣзнодорожный разговоръ уже достаточно надоѣлъ вамъ. Если не хотите—бросимъ. Я—эгоистъ. Я не умѣю охватить всѣхъ граней мысли, не передумаю ея вслухъ. А говорить одному съ самимъ собою какъ то неловко. Нѣтъ, извините за выраженіе, живого манекена. Я пробоваъ. Голосъ звучитъ такъ деревянно, что становится страшно и противно...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста,—живо возразилъ я.—Это чрезвычайно интересно все, что вы говорите.

Но я солгалъ. Его отвлеченныя разсужденія тяготили меня своей разбросанностью, нестройностью и напряженностью. Трудно, а порою и безцѣльно было слѣдить за скачками его мысли. Однако, чортъ возьми, я никакъ не могъ вспомнить его наружности. Я даже забылъ—былъ ли онъ брюнетъ или блондинъ, толстый или худой и какъ онъ

былъ одѣтъ (кромѣ англійскаго картуза, который врѣзался мнѣ въ память). Пойметъ ли меня кто нибудь, а если не пойметъ, то повѣригъ ли мнѣ? Но, клянусь, иногда при утреннемъ тонкомъ свѣтѣ, послѣ безсонной ночи, лежа, тѣло къ тѣлу, рядомъ съ любимой женщиной, я мучительно старался и никакъ не могъ вспомнить ея губъ, глазъ, бровей, улыбки. Порою я не могъ вспомнить даже имени. Такъ обманчивы ночь и усталость.

— Я и говорю,—началъ онъ спокойно, будто продолжалъ диктовать послѣ точки въ ту же строку,—что человѣчество гораздо скорѣе идетъ къ своему печальному концу, чѣмъ мы думаемъ. Какой закатъ мы пророчимъ землѣ въ нашихъ гипотезахъ? Замерзаніе, столкновение съ другой планетой, самовозгораніе, или что вы еще придумаете? А я вамъ говорю, что само человѣчество уснетъ гораздо, гораздо раньше, чѣмъ земля. Тысячи тысячъ лѣтъ пройдутъ послѣ того, когда послѣдняя душа человѣка оставитъ послѣднюю земную оболочку, а еще будутъ цвѣсти, превратившись въ шиповникъ, выродившіяся розы, и яблони будутъ цвѣсти своимъ нѣжнымъ цвѣтомъ, хотя плоды ихъ будутъ уже тогда кислыми и терпкими. Будутъ струиться рѣки,

падать и вновь обсыматься деревья, будут жить бабочки, муравьи, кой какія птицы и остатки не уничтоженныхъ человѣкомъ четвероногихъ. А человѣчество погибнетъ отъ собственнаго яда, отъ токсина старости, отъ отравы, которой нѣтъ противоядія.

Какимъ то нервнымъ, суетливымъ движеніемъ онъ закурилъ папиросу. На мигъ мнѣ мелькнуло его красное отъ спички лицо, блестящіе глаза и тѣни вверхъ отъ усовъ и отъ бровей къ высокому плѣшивому лбу. Что-то чертовское показалося мнѣ въ его обликѣ, и я про себя улыбнулся.

— Говорятъ, что ребенокъ въ своемъ духовномъ ростѣ быстро переживаетъ всю исторію культуры вплоть до уровня своего вѣка, среды и, конечно, націи. Но зато человѣкъ отъ рожденія до смерти также переживаетъ исторію всего человѣчества не только въ прошломъ и настоящемъ, но и въ будущемъ. Подумайте, какая страшная аналогія между человѣкомъ и міромъ; дѣтство, зрѣлый возрастъ, а дальше уклонъ, старость и смерть. Приходила ли вамъ хоть разъ, будучи четырехъ лѣтъ, въ голову мысль о смерти? Никогда. Въ тринадцать лѣтъ? Вы думали: да, всѣ люди умираютъ, но этотъ законъ меня не касается и меня не волнуетъ. Въ тридцать лѣтъ вы подумали:—чертъ возьми! Неужели и мнѣ придется однажды лечь въ этотъ ящикъ? Какъ это холодно и непріятно. Въ пятьдесятъ всѣ ваши мысли направлены только къ тому, чтобы приготовиться къ смерти или отдалить моментъ ея приближенія.

Ахъ! на зарѣ своего бытія человѣчество было совсѣмъ безпечно. Оно трепетало ночью, но только боясь дикихъ звѣрей и молніи. А ночной огонь, съ его невѣрными шатаніями тѣней, могъ только усилить его подозрительность. Человѣкъ былъ терпѣливъ, даже, пожалуй, не чувствителенъ къ боли. Борьба, битва, охота за страшнымъ звѣремъ были для него игрой и наслаженіемъ. Но сознание лишило его природной мудрости. Ставши взрослымъ, онъ потерялъ первоначальное счастье. Онъ привыкалъ къ теплу, а также къ жареной и вареной пищѣ, сталъ ревнивъ, подозрителенъ, суевѣренъ, мнителенъ, полюбилъ себя, свою жену, свою собственность и свое главенство. Онъ понималъ, что подобные ему умираютъ и утерять наивную способность относиться къ боли и смерти равнодушно, онъ почувствовалъ отвращеніе къ веселой гибели и испугался приключеній.

Со временъ вѣры въ лживую письменную исторію мы присутствуемъ при мужественномъ расцвѣтѣ человѣчества. Тогда знали боль, но умѣли ее презирать, знали страхъ смерти, но побѣждали его желаніемъ воли. Вся исторія древнихъ и среднихъ вѣковъ—это пора, когда человѣчество еще играло кровью, мускулами, нервами, когда дыханіе усталаго самца было ароматно, какъ запахъ отдыхающей земли.

Но видите ли,—продолжалъ покашливая мой странный собесѣдникъ,—человѣчество обгоняетъ наше земное косми-

ческое время въ геометрической прогрессіи. Атмосфера самопознанія,—это атмосфера страшно натопленной оранжереи, которая безпощадно гонитъ растенія вверхъ, заставляя ихъ съ чудовищной скоростью цвѣсти, опыляться, давать огромные незрѣлые плоды, обсыматься, и гибнуть, и чахнуть. Сама жизнь укоротилась. Чрезвычайно рѣдки примѣры долголѣтія. Прежде человѣкъ уходилъ изъ жизни, какъ усталый работникъ, смеживъ глаза и погружаясь въ глубокой сонъ безъ сновидѣній. Еще совсѣмъ недавно онъ, открывъ жилы и сядя въ теплой ваннѣ, спокойно бесѣдовалъ со своими друзьями. Теперь мы видимъ презрѣніе къ смерти, развѣ только у испанскихъ торреадоровъ, но видимъ тутъ также и актерство напыщенной замаскированной трусости.

Теперь громадное большинство людей умираетъ въ страданіяхъ, умираетъ недѣлями, мѣсяцами и иногда годами. Вовлеченный въ войну и ненавидя войну, человѣкъ обреченъ каждый день, почти каждую минуту испытывать ужасъ приговореннаго къ смерти. Рана, которая заставляла нашего предка почесаться и заживала черезъ день, заставляетъ насъ кричать на всю вселенную и гнѣть годами. Мы корчимся, какъ раздавленные сколопендры подъ пятою наступающей смерти. Боязнь смерти, боязнь боли, боязнь завтрашняго дня, дрожь за свое мгновенное существованіе—вотъ, что такое современная жизнь. Въ доисторическія времена человѣчество прожило радостное дѣтство. Въ началѣ исторіи—доблестную юность, въ средніе вѣка—мужество, исполненное любви, обожествленія природы и исканія серьезныхъ приключеній. И, вотъ, мы идемъ къ уклону съ поразительной быстротой, Графическая линія человѣческой жизни, вмѣсто стройной библейской поработы, дѣлаетъ крутую кривую вверхъ до облысѣнія, до импотенціи, и почти прямую внизъ до маразма.

Онъ пошевелился, нагнулся впередъ. Должно быть стало свѣтлѣе. Лицо его мнѣ показалось блѣднымъ пятномъ съ черными шевелящимися пятнами вмѣсто глазъ. Оно точно множилось, расплывалось и странно вытягивалось углами вверхъ и внизъ и въ стороны. Все это было необыкновенно страннымъ, какъ и эта бѣлая ночь.

— Но уклонъ пойдетъ еще быстрѣе, чѣмъ мы можемъ предполагать. Мозгъ каждаго человѣка—это батарея, посылающая вокругъ себя токи необыкновенной мощности и невѣдомаго намъ напряженія. Воля и чувство человѣка дѣйствуютъ на громадныхъ разстояніяхъ, почти безъ предѣловъ, во внѣшней оболочкѣ земного шара, пронизывая всѣ препятствія. Всякій человѣкъ, каждой частицей своего тѣла, каждымъ нервомъ, безмолвно и ежечасно кричитъ отъ ужаса неизбежно подкрадывающейся смерти, будь это на полѣ сраженія или въ постели, гдѣ онъ задыхается отъ астмы. Неужели волны его напряженной, страдающей воли, не перенесутся въ пространство и не заставятъ страстно вибрировать какую-то чуткую, невѣдомую

намъ, матерію? Вотъ человѣкъ, раздавленный побѣдомъ, агонизируетъ. Онъ безъ сознанія, но мускулы его лица выражаютъ необыкновенное страданіе, его тѣло бьется въ конвульсіяхъ, онъ весь—одна сплошная, нестерпимая, невыразимая словами боль. И вотъ погасла какая то искорка, щелкнулъ какой то выключатель, и человѣкъ не живетъ уже больше. Что отъ него осталось? Ничто? Трупъ? Матерія? Но «ничто» труднѣе всего себѣ представить, когда думаешь о великомъ свѣтѣ, озарившемъ человѣка. Осталось одно, послѣднее—страшная боль, которая несется, безмолвно крича, корчась и скрежеща зубами, въ пространство.

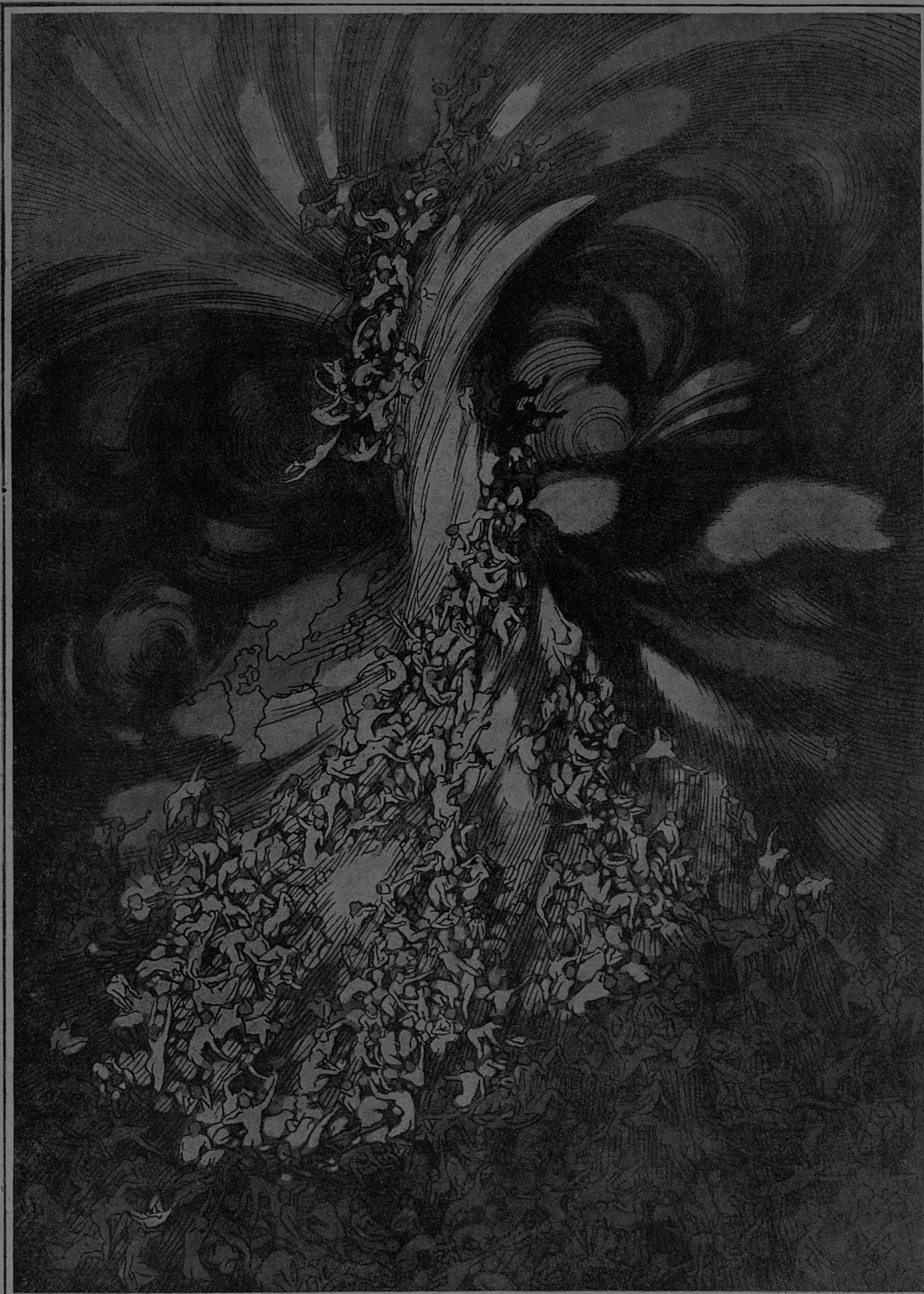
Вообразите теперь современные войны, гдѣ гибнутъ въ годъ миллионы человѣкъ, вообразите всю уторопленность жизни, утонченность злобы, хитрость мести, искусство убійствъ, расчитанность жестокаго безсердечія, и съ другой стороны судорожное хватанье за каждый кусочекъ жизни... И все это волны, волны... Зло позитивно. Добро лишь недѣланіе зла. Земное—отрицательное электричество разряжается плюсомъ атмосферы. Зло же—абсолютное накапливающееся, неизскажающее, ничѣмъ не умѣряемое богатство. Для него нѣтъ противоположнаго полюса. Отъ него человѣчество захлебнется.

Теперь представьте, что я правъ, что весь земной шаръ окутанъ, пронизанъ и насыщенъ колебаніями этой, болѣе тонкой, чѣмъ электричество невѣсомой матеріи, состоящей изъ злобы, отчаянія, зависти, неудовлетворенной мести, боли и ужаса. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ носятся по землѣ безобразные злобные циклоны, эфирные водовороты, сталкивающиеся, вихрящиеся, возмущающіе человѣческія души, возбуждающіе въ нихъ, противъ воли, тревогу, безпричинную ненависть, неосуществимое стремленіе къ крови, повторному людоедству, кровосмѣшенію и ко всѣмъ древнимъ возможностямъ, нынѣ старческимъ порокамъ.

Поездъ на секунду остановился на полустанкѣ. Свистнулъ и пошелъ дальше.

— Сейчасъ мнѣ выходить,—сказалъ мой спутникъ, вставъ и устранивая свой багажъ. Въ то же время, стоя, онъ продолжалъ говорить.

— Но настанетъ короткое для міра, а для насъ съ вами, пожалуй немножко отдаленное время, когда человѣчество достигнетъ до трусливой привычки, до незлобивой улыбки, до бездарной покорности року. Это будетъ жалкая собачья старость, не прежняя, гордая, цвѣтущая, мафусаилова, но сиротливая, безъ патріархальной радости и безъ величія старости. Равнодушно будетъ человѣчество дожидаться на нищенской пенсіи оставшіеся ему нѣсколько десятковъ тысячелѣтій, ибо научится покорно-слезливо глядѣть на смерть сосѣда и устало ожидать своей смерти, какъ очереди въ коммерческомъ судѣ. Тогда не будетъ ужасныхъ, но очищающихъ войнъ, но не будетъ и утѣшенія въ томъ, что великая культура поборола болѣзни, боль и страданія, т. е. все, кромѣ смерти. А энергіи жить, страсти и радости жизни уже не ста-

нетъ. Это состояніе почти знаетъ одинъ изъ самыхъ древнихъ народовъ въ мірѣ—Китай. Сынъ Небесной имперіи стоитъ на колѣняхъ, голова его оттянута рукой палача. Онъ искоса смотритъ, какъ ловкимъ ударомъ отсѣчена голова его прелественника по казни; онъ гово-

ритъ спокойно: «хао» (хорошо) и закрываетъ глаза, ожидая удара. И этотъ образъ такъ близокъ для всего человѣчества.

Поѣздъ умѣрилъ ходъ, заскрежетала отодвигаемая дверь.

— Вырцца! Поѣздъ стоитъ пять минутъ.

Мой спутникъ повернулся ко мнѣ, слегка приподнявъ квадратный козырекъ и вышелъ.

Я до сихъ поръ не могу вспомнить его лица. Забылъ.

А. Купринъ.

СВЯТЫЙШИЙ ПАТРИАРХ ТИХОНЪ.

Святѣйшій Патріархъ Московскій и всея Руси Тихонъ—въ мірѣ Беллавинъ, сынъ сельского священника Псковской епархіи. Святѣйшій Тихонъ родился и росъ въ деревнѣ, проводилъ тамъ всѣ свои каникулы и близко знаетъ и народную жизнь и душу народа.

Высшее образованіе владыка получилъ въ Петербургской духовной академіи, гдѣ пользовался общою любовью начальства и товарищей за свой добрый, открытый, веселый нравъ. Студента Беллавина избрали завѣдующимъ академической бібліотекѣй. И здѣсь будущій носитель патріаршей власти показывалъ себя либераломъ—онъ отстаивалъ свободный выборъ книгъ, тогда какъ свыше проводились большія ограниченія, и до сихъ поръ академики рассказываютъ, что при немъ удавалось держать даже нелегальную по тому времени литературу.

Не примыкая ни къ одному кружку, онъ всѣ столкновенія и крайности сглаживалъ и примирялъ съ особою ласкою и довѣріемъ къ людямъ.

Это сохранилось у молодого академика на всю жизнь—любовь къ человѣку, независимо отъ партійности, происхожденія и пр. И это проходитъ черезъ всю дѣятельность его, сначала какъ педагога, затѣмъ—епископа и, наконецъ,—вотъ теперь—Первосвященителя Православной церкви—русскаго Папы.

Насколько велико было желаніе владыки, когда онъ былъ въ Вильнѣ, сплотить всѣ народности окраины вокругъ общаго отечества, показалъ его нашествіе въ свое время протестъ противъ инсценированныхъ крайними правыми Муравьевскихъ торжествъ, такъ раздражавшихъ коренное населеніе. Официальныя сферы высказали недовольство владыкою въ самой опредѣленной формѣ.

Когда литовская епархія была занята нѣмцами, владыка жилъ въ Петроградѣ, замѣщая председателя въ лѣтней синодальной сессіи. И много, много разъ онъ вырвался изъ столицы, отъ бумажной работы—въ передовые окопы. Онъ любилъ солдатъ, умѣлъ бесѣдовать съ ними, жилъ подолгу въ скромномъ домикѣ—гдѣ либо въ ближайшемъ тылу позицій, ежедневно объѣзжалъ войска, проповѣдывалъ, по праздникамъ совершалъ архіерейскія служенія въ той или другой части. Здѣсь онъ, по его словамъ, отдыхалъ душою—вдали отъ столичныхъ интригъ, закулисныхъ вѣяній и вліяній.

Послѣ революціи, опрокинувшей старый строй и формально объявившей свободу церковную, архіепископъ Тихонъ опять оказался въ оппозиціи—къ Временному Правительству, ко Львову, проявлявшему такіе оберъ-прокурорскія хозяйственныя замашки, какія не снились Побѣдоносцеву. Онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ протестующаго посланія Синода, за которымъ послѣдовало выходъ въ отставку всѣхъ членовъ синодальной сессіи въ главѣ съ убѣжденнымъ потомъ въ Кіевѣ митрополитомъ Владимиромъ.

Удалившись отъ дѣлъ, высокопреосв. Тихонъ переѣхалъ въ одинъ изъ Московскихъ монастырей. Первопрестольная столица быстро узнала его, прониклась къ нему довѣріемъ и полюбила настолько, что когда по новому закону объ архіерейскихъ выборахъ производилось избраніе на митрополитскую кафедру въ Москвѣ, освободившуюся съ увольненіемъ на покой престарѣлаго Макарія, то подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ нареченъ Тихонъ.

Онъ же былъ избранъ председателемъ собравшагося вскорѣ Учредительнаго Соборнаго православной церкви—Всероссійскаго Церковнаго Собора—и руководилъ все время его занятіями.

Соборною волею владыка Тихонъ былъ возведенъ на возстановленный посреди смуты и всеобщаго шатанія историческій, свыше двѣсти лѣтъ вдовствующій престолъ патріарха всероссійскаго.

Божій избранникъ.

Абсолютнаго большинства голосовъ никто не получилъ и рѣшено было прибѣгнуть къ «небесному жребію». На престолъ были положены записки съ именами получившихъ наибольшее количество голосовъ трехъ кандидатовъ и при общей молитвѣ въ алтарѣ затворникъ-старецъ схимонахъ Алексій, разрѣшенный на этотъ день отъ обѣта затворничества и безмолвія «властью освященнаго Собора іерарховъ всей Земли Русской», вынулъ одну изъ записокъ.

На ней стояло: «Тихонъ»... «Это—отъ Господа»—пронеслось по рядамъ участниковъ выборовъ.

Послѣ двухнедельнаго поста и молитвы состоялась интронизация Патріарха—обрядъ возведенія его на Престолъ—въ Успенскомъ соборѣ, куполъ котораго только что былъ пробитъ орудіемъ снарядомъ во время октябрьской междоусобной борьбы въ Москвѣ... И это еще болѣе подчеркнуло важность избранія Патріарха—пробора нашего національнаго единства.

Какъ работаетъ русскій Папа.

Тихайшій и смиреннѣйшій въ личной жизни, Святѣйшій Тихонъ, какъ глава русской національной церкви, окруженъ исключительнымъ почетомъ и пышнымъ церемониаломъ, подробности котораго соблюдаются самымъ строгимъ образомъ, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Такъ же, какъ и встарь, по Московскимъ улицамъ движется «Патріаршій поѣздъ», картина, которую видѣлъ и Петроградъ въ дни пребыванія владыки. Это именно поѣздъ. Впереди—вершники изъ охраны Патріарха, за ними—всегда предшествующіе и предносимый въ богослуженіи древній Крестъ съ двумя уподіаконами, за ними въ экипажѣ самъ русскій Папа—въ историческомъ бѣломъ головномъ уборѣ «великаго государя и господинна нашего святѣйшаго патріарха Филарета Никитича» съ вышитыми жемчугомъ серафимами и бриллиантовымъ крестомъ...

Патріархъ живетъ въ домѣ Троице-Сергіевой лавры, которой онъ состоитъ по своему сану почетнымъ настоятелемъ—«священноархимандритомъ». И въ нашей красной столицѣ сѣверной коммуны онъ остановился въ Свято-Троицкомъ лаврскомъ подворьѣ.

Прибытіе Патріарха въ Петроградъ.—На Николаевскомъ вокзалѣ.

Рано начинается въ Первопрестольной столицѣ рабочий день Патріарха. Съ семи часовъ Его Святѣйшество уже на ногахъ и, сотворивъ молитву, садится за дѣловую корреспонденцію. Докладываетъ дѣла личный секретарь, а о просителяхъ и представляющихся—келейникъ, какъ у всѣхъ архіереевъ. Этотъ же келейникъ, сопровождающій владыку еще изъ Америки, является его домъ правителемъ, какъ-бы гофмаршаломъ двора Русскаго Папы.

И это такъ соотносится съ скромной натурой Святѣйшаго Тихона. Приемъ начи-

нается съ девяти, въ одиннадцать Патріархъ часто уже выѣзжаетъ—на засѣданіе собора, гдѣ попрежнему каждый разъ лично председательствуетъ, обобщая, примиряя и направляя пренія, сглаживая и смягчая острые вопросы, какъ, напримѣръ, съ анафемой нынѣшнимъ дѣятелямъ, когда одно соборное крыло требовало поименнаго проклятія и отлученія... Изрѣдка его замѣщаетъ товарищъ председателя—митрополитъ Арсеній Новгородскій.

Въ другіе дни Патріархъ председательствуетъ въ священномъ синодѣ и высшемъ церковномъ совѣтѣ. Эти двѣ коллегіи—духовная и свѣтская—избраны въ помощь ему соборомъ. Въ Синодѣ—цѣлый рядъ выдающихся іерарховъ во главѣ съ украинскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ высшемъ церковномъ совѣтѣ—такіе общественные дѣятели, какъ А. Д. Самаринъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. С. Н. Булгаковъ и др.

Съ синодомъ Патріархъ обсуждаетъ богослужебныя, догматическія, пастырско-іерархическія и миссіонерскія дѣла, съ высшимъ церковнымъ совѣтомъ—хозяйственно-административныя и обще-политическія. Въ случаяхъ особой важности устраиваются совѣстные засѣданія.

Засѣданія происходили до послѣдняго времени въ Кремлевскихъ палатахъ—патріаршей, мурованной или помѣщеніи бывшей синодальной канцеляріи, теперь, послѣ занятія Кремля большевиками, чаще—въ епаріальномъ домѣ, гдѣ проходитъ и соборная сессія, или въ покояхъ подворья Патріарха.

Обѣдаетъ Патріархъ—какъ и всѣ монахи подворья. Только въ «торжественныя трапезы» допускается исключеніе,—онъ приглашается особа.

Послѣ обѣда—доклады директора канцеляріи А. Н. Гурьева, б. чл. Г. Думы В. П. Шенна, стоящаго во главѣ секретаріата Собора.

Патріархъ интересуется прессой. Бюро печати представляетъ ему цѣлый рядъ вырѣзокъ изъ газетъ, гдѣ пишутъ о немъ или о церковныхъ дѣлахъ. Часто Патріаршая резолюція требуетъ свѣдѣній по той или другой обратившей его вниманіе замѣткѣ.

Вечеромъ—Патріархъ снова занятъ въ разныхъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ по строительству церковному. Съ отдѣленіемъ церкви отъ государства сильно заботитъ владыку матеріальная сторона. Но онъ первый высказалъ, когда большинство растерялось, твердую надежду, что и безъ государственной поддержки, помогутъ «свои финансы»—приходы и монастыри.

Приходскія организаціи, дѣйствительно, оплачиваютъ и духовенство, и расходы по храмамъ, и центральный контроль отмѣчаетъ ихъ образцовую работу, что особенно угѣшаетъ Патріарха, давняго сторонника общенія пастырей и пасомыхъ. Епископовъ содержатъ обители. На отчисленія отъ ихъ не такихъ уже большихъ доходовъ содержится все Патріаршее управленіе, самъ же Патріархъ категорически отказался получать больше, чѣмъ епаріальный архіерей.

Въ трудахъ комиссій и совѣщаній при Патріархѣ принимаютъ участіе многіе видные профессора и общественные дѣятели, въ томъ числѣ б. члены Г. Думы Е. П. Ковалевскій, К. К. Черновитовъ, кн. Васильчиковъ и Н. Н. Львовъ.

Всѣ сношенія Патріарха съ совѣтской властью ведутся не лично и не путемъ бумагъ, а черезъ своего рода «дипломатическаго представителя». Таковымъ является проф. Кузнецовъ, б. присяжный повѣренный, совмѣщающій юридическій опытъ съ выдающимися церковными познаніями. При необходимости онъ выступаетъ, какъ Патріаршій посланецъ и уполномоченный Собора передъ

Совѣтомъ Народныхъ Комисаровъ, выяснять тѣ или другія тренія и недоразумѣнія.

Этотъ «посолъ русскаго Ватикана при русскомъ квинриалѣ» имѣетъ особый докладъ у Патріарха—«по дипломатическому вѣдомству»—какъ говорить шута владыка...

Личный тактъ, осторожность, вдумчивость Патріарха много способствуютъ правильному теченію церковной жизни. Волнуютъ и возмущаютъ его лишь преслѣдованія духовенства на мѣстахъ, и по этому поводу онъ созываетъ на іюль чрезвычайную сессію Собора, къ которому обратится съ особымъ посланіемъ, предложитъ обсудить гоненія и отозваться на нихъ...

Когда нужно, Патріархъ умѣетъ быть твердымъ и стойкимъ до конца.

Это знаютъ всѣ съ нимъ соприкасавшіеся...

Глубокою ночью кончается работа Патріарха. Владыка самъ читаетъ полученныя письма и рѣдко что оставляетъ безъ отвѣта. Рѣдкій проситель уходитъ отъ него безъ помощи, безъ исполненія просьбы, безъ утѣшенія въ горѣ. Доброта и общедоступность—вотъ два основныхъ качества Патріарха вмѣстѣ съ зоркимъ умомъ и сильнымъ характеромъ.

Служеніе Патріарха.

Служеніе Патріарха отлично отъ обычнаго архіерейскаго. Его престолъ—выше общей кафедры сослужащихъ ему архіереевъ. Во все время богослуженія ему предносится Корсунскій крестъ времени Филарета, діаконъ осѣняютъ его рипидами.

За великимъ выходомъ старшій изъ сослужащихъ архіереевъ поминаетъ всѣхъ православныхъ Патріарховъ—Тихона, Германа, Фотія, Григорія и Даміана. О Патріархѣ произносится особое моленіе предъ удаленіемъ іерарховъ въ алтарь послѣ шествія съ евангеліемъ на литургіи вокругъ Патріаршаго престола.

Поминается «великій господинъ и отецъ нашъ Святѣйшій Патріархъ Московскій и всея Руси Тихонъ»...

Облаченіе Патріарху, въ отличіе отъ облаченій архіерейскихъ, подаютъ не діаконъ и причетники, а священники съ протоіереемъ во главѣ.

Патріархъ служитъ въ бѣлой драгоцѣнной митрѣ, сверкающей сафирами и жемчугомъ, которую носилъ Первосвятитель Московскій Платонъ.

Патріаршая мантия, которой триста лѣтъ, изъ зеленого тяжелаго стариннаго бархата, замѣчательно сохранившася, вся зашита жемчугомъ. Это—мантия Никона.

Патріаршій саккосъ и омофоръ изготовлены недавно по рисункамъ художника Васнецова...

Саккосъ—изъ зеленоватаго бархата—весь затканъ золотыми нитями и украшенъ священными изображеніями. Омофоръ—изъ малиноваго шелка, на которомъ славянскою вязью золотомъ вышиты слова Евангелія: «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы»...

Патріархъ всегда служитъ соборно—съ архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, по особому наряду. Служенія его отличаются не только исключительной торжественностью, но и уставностью—все совершается по древнему богослужебному чину, безъ всякихъ пропусковъ.

Всенощная, начинающаяся въ 6 часовъ, оканчивается къ десяти, литургія, начинающаяся въ 10—11 часовъ, нерѣдко затягивается до 2—3 ч., причемъ Патріархъ обязательно всѣхъ богомольцевъ самъ благословляетъ—отъ перваго до послѣдняго.

Встрѣчаютъ Патріарха «со славою»—не въ самомъ храмѣ, а выходятъ навстрѣчу крестнымъ ходомъ съ хоругвями, въ полномъ

облаченіи, съ хоромъ пѣвчихъ, въ преднесеніи святыхъ иконъ.

Многочисленныя Патріарха стариннымъ до-Тихоновскимъ напѣвомъ, очень трогательнымъ и умирительнымъ по величавой простотѣ.

За богослуженіемъ Патріархъ всегда говоритъ проповѣди, говоритъ отъ сердца, никогда къ нимъ не приговляясь—кратко, образно... И все время его осѣняютъ рипиды съ изображенными на нихъ херувимами...

Пріѣздъ въ Петроградъ.

Въ Петроградъ Святѣйшій Патріархъ прибылъ по особому приглашенію и просьбѣ

*Миръ Божій до всадворенія
въ землѣ нашей!*

Патріархъ Тихонъ

13. Іюня 1918.

Автографъ Патріарха для „Огонька“.

православнаго населенія столицы, переданнымъ черезъ депутацию приходскихъ совѣтовъ, выѣзжавшую въ Москву,—«для утѣшенія и ободренія вѣрующихъ въ скорбяхъ и напастьяхъ и укрѣпленія колеблющихся».

Пріѣздъ Патріарха—событіе не только въ церковной, но и въ общественной жизни Петрограда.

Подъ кровъ Церкви сейчасъ устремляются широкіе слои интеллигенціи и живущихъ физическимъ трудомъ массъ, въ Церкви видятъ спасеніе и надежду отъ междоусобицы перейти, наконецъ, къ царству христіанскихъ идеаловъ.

Встрѣча Патріарха поэтому носила, несмотря на дурную вначалѣ погоду, всенародный характеръ. Приходы изъ своей среды выбрали особую добровольную охрану—Па-

тріаршую дружину во главѣ съ старостой Колтовскимъ.

Коммунальныя власти затревожились, увидѣвъ въ этомъ созданіе чуть ли не «папской гвардіи» и «контръ-революцію», начальникъ дружины былъ арестованъ, списки участниковъ отобраны, однако, послѣ соответствующихъ разъясненій, въ Смольномъ успокоились, предоставили православнымъ охранять своего духовнаго вождя и ни во что болѣе не вмѣшивались.

Такимъ образомъ торжества ничѣмъ не были омрачены и прошли, какъ одинъ сплошной свѣтлый праздникъ.

Встрѣча Патріарха состоялась еще на ст. Любань, на границѣ епархіи, куда выѣхали епископъ лужскій Артемій, лаврскій архимандритъ Макарій—отъ монастырскихъ, протоіерей Орнатскій—отъ благаго духовенства и представители мірянъ.

Къ Николаевскому вокзалу съ 11 часовъ утра собрались крестные ходы всѣхъ ближайшихъ церквей и подворій, крестные ходы выстроились также по всему пути слѣдованія Патріарха къ лаврѣ. Подъ неумолчный трезвонъ колоколовъ подошелъ Патріаршій поѣздъ, опоздавшій на три часа. Къ этому времени пересталъ моросить дождь, проглянуло солнышко...

Патріархъ, бодрый, оживленный, какъ всегда, вышелъ изъ вагона.

Кругомъ выстроилась желѣзнодорожная охрана и добровольцы-дружинники. Митрополитъ Веніаминъ поднесъ Его Святѣйшеству букетъ красныхъ розъ, со всѣхъ сторонъ бросали подъ ноги Первосвятителю живые цвѣты... Дѣти поднесли букеты изъ бѣлыхъ лилій, сирени и ландышей...

Въ предшествіи діаконъ съ Крестомъ, въ исторической, осыпанной жемчугомъ мантии и клобука съ серафимами и бриллиантовыми крестомъ наверху, Патріархъ вышелъ къ народу. Многие на колѣняхъ прѣвѣтствовали его, пѣніе встрѣчи не могло заглушить рыданій религіозно-настроенной толпы, просящей благословенія, рвущейся поцѣловать край одежды святителя... И Патріархъ прослезился при видѣ этихъ наглядныхъ переживаній страдающей и мятущейся души народной...

Пышный кортежъ Патріаршаго поѣзда, въ предшествіи Креста, со свитою, двинулся впервые по улицамъ Петрограда. Во всѣхъ церквахъ—неумолчный «красный» Пасхальный звонъ. Невскій—море обнаженныхъ головъ, вышедшіе навстрѣчу крестные ходы стояли до самой Лавры. Народные хоры неумолчно поютъ: «Христосъ Воскресе!».

Патріархъ, стоя, въ открытомъ экипажѣ, благословляетъ.

У вратъ обители встрѣтили Патріарха всѣ пребывающіе въ столицѣ епископы. Ураки св. Александра Невскаго совершенно было торжественное молебствіе, а затѣмъ въ митрополичьихъ покояхъ Патріархъ принималъ представлявшихъся.

Тѣмъ же порядкомъ Патріаршій поѣздъ направился въ Троицкое подворье на Фонтанкѣ противъ Аничкова дворца, гдѣ было приготовлено высокому гостю помѣщеніе.

Пребываніе въ Петроградѣ.

Патріархъ пробылъ въ Петроградѣ нѣсколько дней и ежедневно совершалъ торжественныя богослуженія.

Храмы не могли вмѣстить всѣхъ богомольцевъ, площади и улицы были полны желающими хотя бы взглянуть на Патріарха.

Патріаршій поѣздъ забрасывали цвѣтами...

Публичное чествование Патриарха состоялось в большом зале общества Религиозно-нравственного просвещения на Стремянной 14 июня. Это было событие крупного обще-

— «Въ Москвѣ происходитъ то же самое, Церковь снова становится водителницей людей къ добру, правдѣ и любви»—говоритъ Патриархъ.

трополита Антонія, заявилъ объ этомъ опредѣленно.

— Единая Церковь была долгое время хранительницей нашего національнаго и государственнаго единства, такую она остается и доселѣ повсюду, гдѣ стоятъ русскіе, т. е. православные храмы».

Закончилъ Патриархъ бесѣду благословеніемъ всему петроградскому населенію и выраженіемъ увѣренности, что въ переживаемыхъ испытаніяхъ, въ скорбяхъ и напастяхъ, оно, прибѣгая къ заступничеству Всевышняго и благодатному предстательству Церкви, останется добрымъ, вѣрующимъ, христіански настроеннымъ до конца.

Я спросилъ Его Святѣйшество—не желалъ ли бы онъ при посредствѣ нашего журнала «Огонекъ» передать что либо всему православному населенію Россіи, чтобы и со страницъ свѣтскаго изданія, горящаго огоньками литературы, искусства, художества, возсіялъ тотъ неугасимый «свѣтъ тихій», который несетъ съ собою религія изстрадавшимся и измученнымъ душамъ.

Святѣйшій Патриархъ вспомнилъ, какъ «Огонекъ» неоднократно изображалъ его на позиціяхъ среди солдатъ, въ бытность его виленскимъ и литовскимъ архіепископомъ, и, вставъ, отправился въ кабинетъ, откуда черезъ нѣсколько минутъ вынесъ свой портретъ въ патриаршемъ клобуку съ собственноручною надписью и датой: «13 июня 1918 года».

— Я написалъ для вашего журнала мое самое горячее и искреннее пожеланіе и всегданнюю молитву за Россію—сказалъ Патриархъ.

Вотъ эти слова Первосвященителя Православной Церкви:

„Миръ Божій да водворится на землѣ нашей“

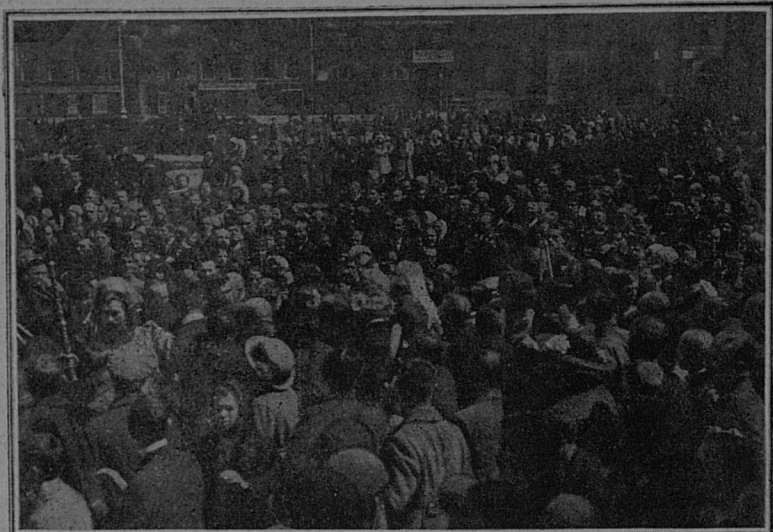
Въ немногихъ словахъ сказала вся любящая и страдающая за нестроения родной земли душа Патриарха...

Время бѣжало—Владыкѣ нужно было собираться въ Исидоровское училище.

И снова, какъ при встрѣчѣ, Патриархъ благословилъ и поцѣловалъ меня и ласково, сіяя добрыми лучистыми глазами, произнесъ напутствіе: «да спасетъ васъ Христосъ!»

Уходя, я уносилъ въ душѣ образъ этого величаваго и въ простотѣ Первосвященителя національной русской Церкви и вспоминалъ его слова, что необходима только любовь къ людямъ, а все остальное—приложится...

Политики дорого бы дали, чтобы втянуть Патриарха въ политическую игру... Но Патриархъ Тихонъ по натурѣ своей только церковный дѣлатель, молитвенникъ. Онъ слу-

Выходъ Патриарха по окончаніи службы въ Казанскомъ соборѣ.

ственного масштаба. Свыше 400 депутатѣй прошло передъ Патриархомъ, поднося свои адреса и привѣтствія.

Здѣсь были представители иновѣрцевъ—церквей униатской, евангелическо-лютеранской, армянно-грегоріанской, англиканской, епископальной, представители еврейской общины; изъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій—академія наукъ, университетъ и другія высшія учебныя заведенія, духовныя и городскія училища, делегаты отъ средней школы, отъ городской думы, отъ рабочихъ районовъ, отъ религіозно-философскаго общества...

Всѣхъ делегаций и отдѣльныхъ депутатовъ перечислить невозможно. Достаточно сказать, что пріѣхали даже крестьянскіе депутаты—изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ епархіи.

Обращенія и привѣтствія Патриарху организационный комитетъ по его пріему предполагалъ издать особой книгой.

Въ память посѣщенія Патриархомъ Петрограда съ осени открывается гимназія его имени, капиталъ на которую уже собранъ.

Нашъ сотрудникъ у Патриарха.

13 июня (31 мая), около 6 часовъ вечера, Вашъ сотрудникъ былъ принятъ Патриархомъ.

Въ Троицкомъ подворьѣ на каждомъ шагѣ дежурятъ чины Патриаршей дружины, въ большомъ парадномъ залѣ, украшенномъ портретами іерарховъ,—въ томъ числѣ—убиеннаго въ Кіевѣ митрополита Владимира,—нѣтъ никого, кромѣ двухъ членовъ комитета по пріему владыки—священника и штатскаго.

Отворяется дверь въ кабинетъ, и Патриархъ на порогѣ приглашаетъ войти. Онъ—въ фиолетовой рясѣ, въ своемъ головномъ бѣломъ уборѣ съ серафимами и крестомъ. Лицо—привѣтливое, веселое.

Испрашиваю благословеніе, Патриархъ осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ, цѣлуетъ со мною и тотчасъ же любезно предлагаетъ сѣсть. Комната-гостиная убрана старинной мебелью, рядомъ виднѣется черезъ открытую дверь дѣловой кабинетъ съ письменнымъ столомъ.

Владыка припоминаетъ, что видѣлъ меня на Церковномъ Соборѣ въ Москвѣ.

Святѣйшій Тихонъ искренне радуется все повышающейся религіозности Петроградскаго населенія, которое замѣтно съ перваго взгляда.

но самая вѣрная и надежная. Это единственный путь «во спасеніе».

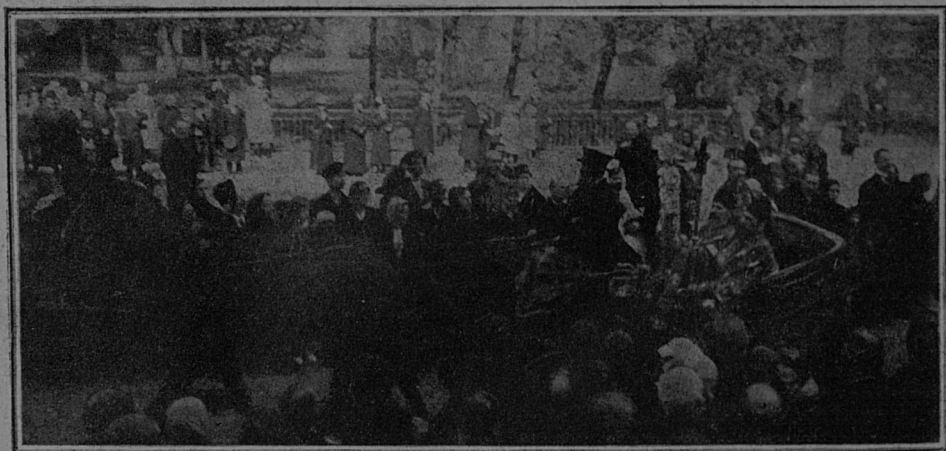
По поводу объединенія общественныхъ силъ вокругъ Церкви Патриархъ высказалъ слѣдующія мысли:

— «Только объединеніе въ дружной работѣ по приходскимъ организаціямъ, гдѣ нѣтъ различія между буржуазіей и пролетаріатомъ, а есть только духовныя дѣти, равно близкія и дорогія, поможетъ восторжествовать во всей нашей жизни взаимнѣй классовой борьбы идеѣ любви христіанской, той любви другъ къ другу, которая и объединитъ и спасетъ нашу Русь. У Церкви нѣтъ пасынковъ, мы любовно пріемиемъ и блудныхъ сыновъ, возвращающихся къ матери—Церкви. Возвращаясь къ ней, они возвращаются въ домъ отчий».

— «Между церковностью и интеллигенціей была пропасть уже засыпана, но вотъ другая пропасть—между интеллигенціей и народомъ, и заполнить ее можно только братолюбіемъ, только любовью...»

Въ заключеніе Патриархъ высказался о возможности національнаго собранія вокругъ Церкви.

— «Я получаю и изъ оккупированныхъ, и изъ отложившихся окранныхъ множество обращеній и ходатайствъ, показывающихъ, что и пастыри, и паства не заражены никакими

Патриаршій поѣздъ.—Крестъ, везомый діаконами впереди экипажа Патриарха.

мѣстными автокефализмами и сепаратизмами. Эти воинствующие круги всегда были внѣ церковны. И Украина, при всей широкой автономіи, которую я нахожу возможнымъ дать здѣсь, признаетъ власть Патриарха Всероссийскаго—Кіевскій соборъ, избравшій ми-

жилъ и служить одному только Господу и больше никакимъ господамъ—ни старымъ, ни новымъ...

Б. Андреевъ.

СМЕРТЬ ОРЛА.

Памяти П. И. Мищенко.

Съ «оказіей», случайно, дошло до насъ сюда извѣстіе о самоубійствѣ ген. Мищенко. Далекій отъ политики и чуждый ей всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, онъ жилъ въ родной ему Темір-Ханъ-Шурѣ и занимался огородничествомъ. Казалось, мутная революціонная волна разобьется у подножія старинной чеченской башни, ставшей жилищемъ генерала-отшельника, когда-то «народнаго героя», любимца солдатъ и казаковъ, «старога орла», смиреннаго жизнью и преклоннаго годами.

Но нѣтъ,—она докатилась до башни, ворвалась въ нее,—и въ старомъ орлѣ проснулась не былая сила, а гордость мужественной, царственной природы:—онъ предпочелъ смерть отъ своей руки, потому что почиталъ безчестьемъ... Къ нему, 65-лѣтнему старику, котораго звали каждый темір-ханъ-шуринскій мальчишка, котораго всѣ звали не иначе, какъ «нашъ Павелъ Ивановичъ», который былъ такъ простъ и ласковъ съ каждымъ, ибо былъ онъ демократомъ подлиннымъ, а не «книжникомъ и фарисеемъ» демократіи, котораго знала вся Россія и когда то имъ гордилась, пришли съ обыскомъ и потребовали выдачи оружія. Когда то грозное врагамъ Россіи и личнымъ обидчикамъ, оно теперь висѣло «на покой» на стѣнахъ старой башни, какъ символъ славы былой Россіи и ея побѣдоносной арміи,—какъ дорогая сердцу память прошлаго. Какъ горечь,—уроженецъ Дагестана,—Мищенко любилъ оружіе, какъ бытовую вещь...

Черкесъ оружіемъ обвѣщанъ.

Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ...

Какъ воинъ, онъ никогда не отдавалъ и не сдавалъ оружія по принужденію... Онъ могъ лишь дарить его друзьямъ и боевымъ соратникамъ...

И старый горецъ, и старый воинъ, онъ предпочелъ смерть капитуляціи... Онъ застрѣлился, но оружія, какъ символа чести, не отдавъ...

Всѣ, кто имѣлъ честь и счастье знать Мищенко или служить съ нимъ, знаютъ его психологію, понимаютъ его «драму»—последнюю драму его жизни, понимаютъ, что иначе не могло случиться.

Таковы уже всѣ «Мищенко». У Павла Ивановича былъ братъ, старый казачій есаулъ, георгіевскій кавалеръ... Безстрашный, тихій, молчаливый съ виду, флегматичный флегмою Востока. Старикъ, онъ также пожелалъ принять участіе въ войнѣ съ Японіей. Онъ спѣшилъ въ Ляоянъ и, не добѣжая до него, узналъ, что Ляоянъ уже очищенъ нами. Какъ древніе римскіе воины «бросались на свой мечъ», будучи не въ силахъ пережить проигранную битву,—и Александръ Ивановичъ Мищенко нанесъ себѣ княжаломъ рану, къ счастью, не смертельную. Я видѣлъ его въ октябрѣ 1904 г. попрежнему безстрашнаго, спокойнаго и молчаливаго,—и не знаю, было ли это съ нимъ на самомъ дѣлѣ, или это лишь легенда... Рядомъ легендъ была окружена вся жизнь обоихъ братьевъ.

Такова порода этихъ гордыхъ горныхъ орловъ Дагестана, нынѣ вымирающихъ.

Павелъ Ивановичъ Мищенко опоздалъ родиться... Теперь приходится сказать, что онъ опоздалъ и умереть. Эта бурная, воин-

ственная, независимая натура не укладывалась въ рамки современной жизни и мирной, установившейся, военной службы. Оттого такъ долго она протекала для него малоуспѣшно, бросая изъ стороны въ сторону, хотя Мищенко и принималъ участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей въ 1877—78 гг. и въ Ахаль-Текинской экспедиціи Скобелева. Только походъ въ Китай въ 1900—09 гг. выдвинулъ его впередъ, какъ выдающагося боевого офицера и начальника, и увѣнчалъ его крестомъ Георгія 4 ст. Русско-японская война сдѣлала его уже извѣстнымъ всей Россіи и за ея предѣлами, сотворила изъ него «народнаго героя», а его отрядъ—гордостью Манчжурской арміи. И тѣ, кто въ немъ служилъ, всегда горделиво будутъ вспоминать и говорить «я былъ въ отрядѣ Мищенко».

Павелъ Ивановичъ не былъ полководцемъ въ широкомъ смыслѣ слова. Современная война, такая сложная, громоздкая, съ столь широкимъ примѣненіемъ въ ней военной техники, была ему не по-плечу въ смыслѣ подготовки къ ней и личнаго его характера. Онъ былъ типичнымъ генераломъ эпохи войнъ съ Наполеономъ или ермоловской эпохи

явившаго съ такою полностью драгоценною для война свойство: желаніе драться съ врагомъ во что бы то ни стало при всякихъ условіяхъ. Это сказывалось въ томъ упорствѣ, съ которымъ выполнялъ онъ каждую задачу, ему поставленную, умѣя сочетать при этомъ всю широту свойственной его независимой натурѣ инициативы съ стремленіемъ возможно полнѣе и точнѣе выполнять данное ему приказаніе. А задачи ему ставились всегда не легкія, всегда рискованныя: походъ въ Корею, набѣгъ на Инкоу...

Войска цѣнили въ Мищенкѣ это свойство, звали его личное мужество, были ему благодарны за всегдашнюю о нихъ заботу—и шли за нимъ, буквально въ огонь и въ воду, вѣруя, что «Мищенко заведетъ, но и выведетъ». И онъ выводилъ всегда съ честью, не оставляя противнику не только трофеевъ, но и ни одного раненаго солдата.

Но это же свойство было источникомъ многихъ служебныхъ непріятностей для самого Павла Ивановича. Штабы, съ которыми онъ жилъ въ плохомъ ладу въ силу своего характера, ставили боевыя неудачи ему въ вину, не себѣ, не своимъ оперативнымъ планамъ, директивамъ и отсутствію поддержки во время, «а упрямству» Мищенко.

Онъ прошелъ незамѣченнымъ во время войны съ Германіей, ибо это была война «анонимныхъ» генераловъ, капитановъ, прапорщиковъ, обозначавшихся «для соблюденія военной тайны» лишь инициалами...

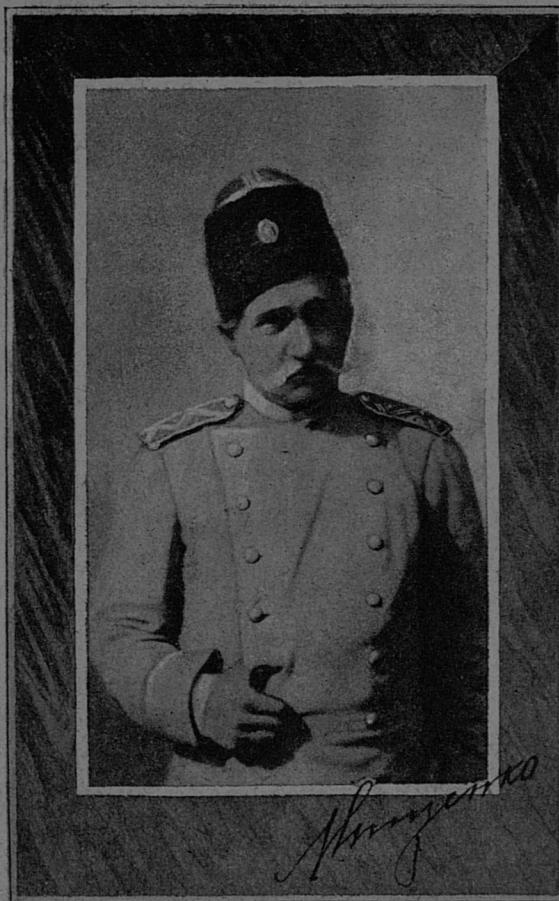
Сперва онъ командовалъ кавказскимъ корпусомъ на Сѣверо-Западномъ фронтѣ, потомъ—на Юго-Западномъ. Сраженіе въ Августовскихъ лѣсахъ въ кампанію 1915 года было причиной его перемѣщенія на другой фронтъ. Какъ и въ 1904 году, штабъ рѣшилъ, что «это можетъ сдѣлать только Мищенко»... Мищенко и дѣлалъ его настойчиво, но одинъ безъ своевременной поддержки... Его обвинили въ «большихъ потеряхъ войскъ»—и отрѣшили отъ командованія корпусомъ. Мищенко добился назначенія надъ собою слѣдствія—и былъ оправданъ имъ. Ему дали снова корпусъ, но уже на другомъ фронтѣ.

Когда покинулъ онъ театръ войны—не знаю. Думаю, что съ началомъ «братанья» на фронтѣ.

Политика Брестскаго мира отняла у него все, чѣмъ онъ жилъ, что любилъ и во что вѣрилъ: Россію, армію, солдата... Онъ покорился року, куда то насъ ведущему... Но, видимо, что съ жизнью его связывала уже одна тонкая нить,—до перваго случая...

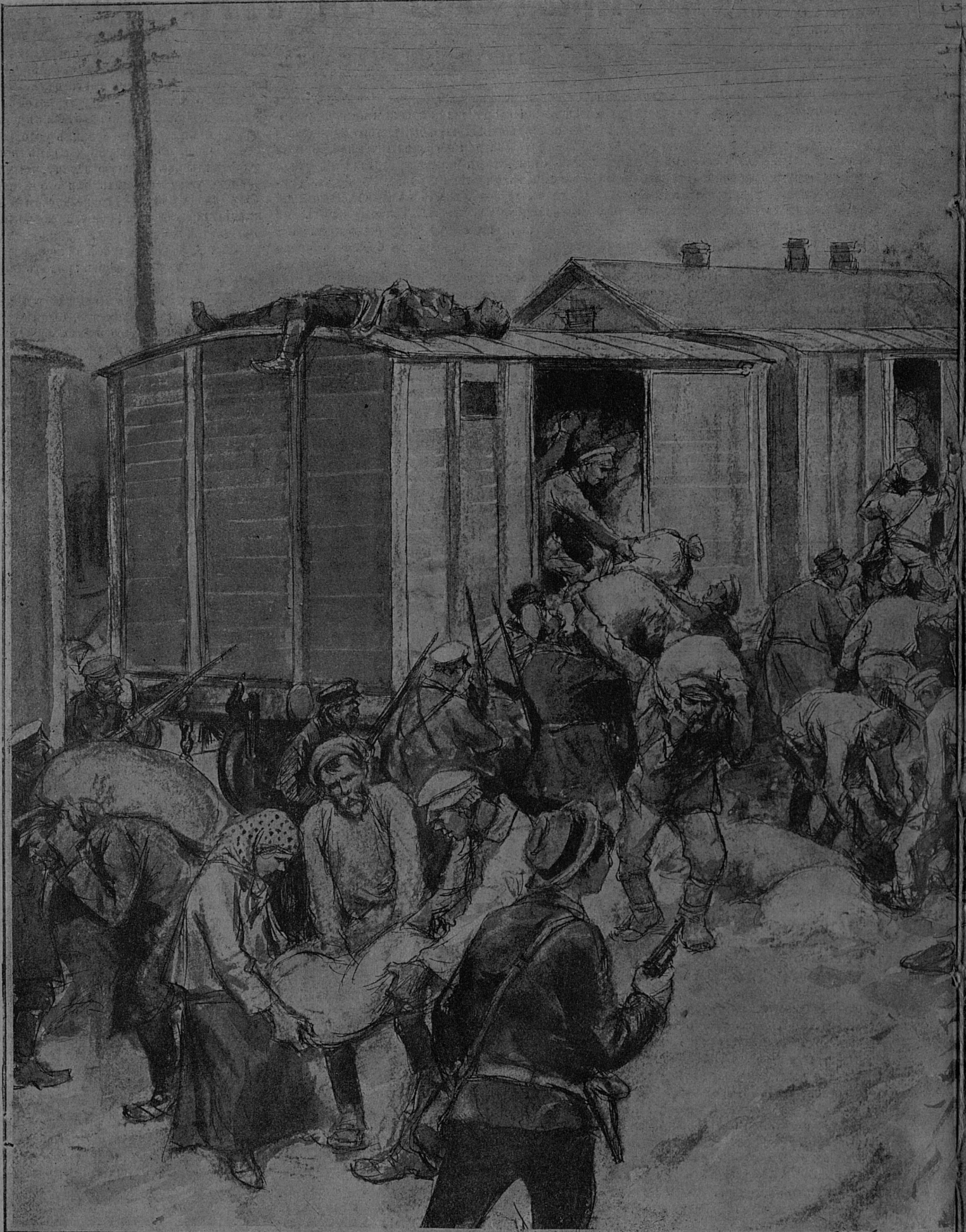
Онъ пришелъ—и нить оборвалась.—«Чести моей никому не отдамъ»,—было вытравлено на клинкѣ шпата Байрда.

Вл. Апушкинъ.

«Замиренія Кавказа». Тогда видѣли противника въ лицо, и безпрестанно скрещивали съ нимъ свои сабли и штыки не только рядовые офицеры и солдаты, но и генералы. Подавать примѣръ безстрашія въ бою, лично рекогносцировать расположеніе противника, водить войска въ атаку,—вотъ истинная сфера дѣятельности генерала Мищенко на войнѣ, отвѣчавшая его способностямъ, натурѣ, темпераменту.

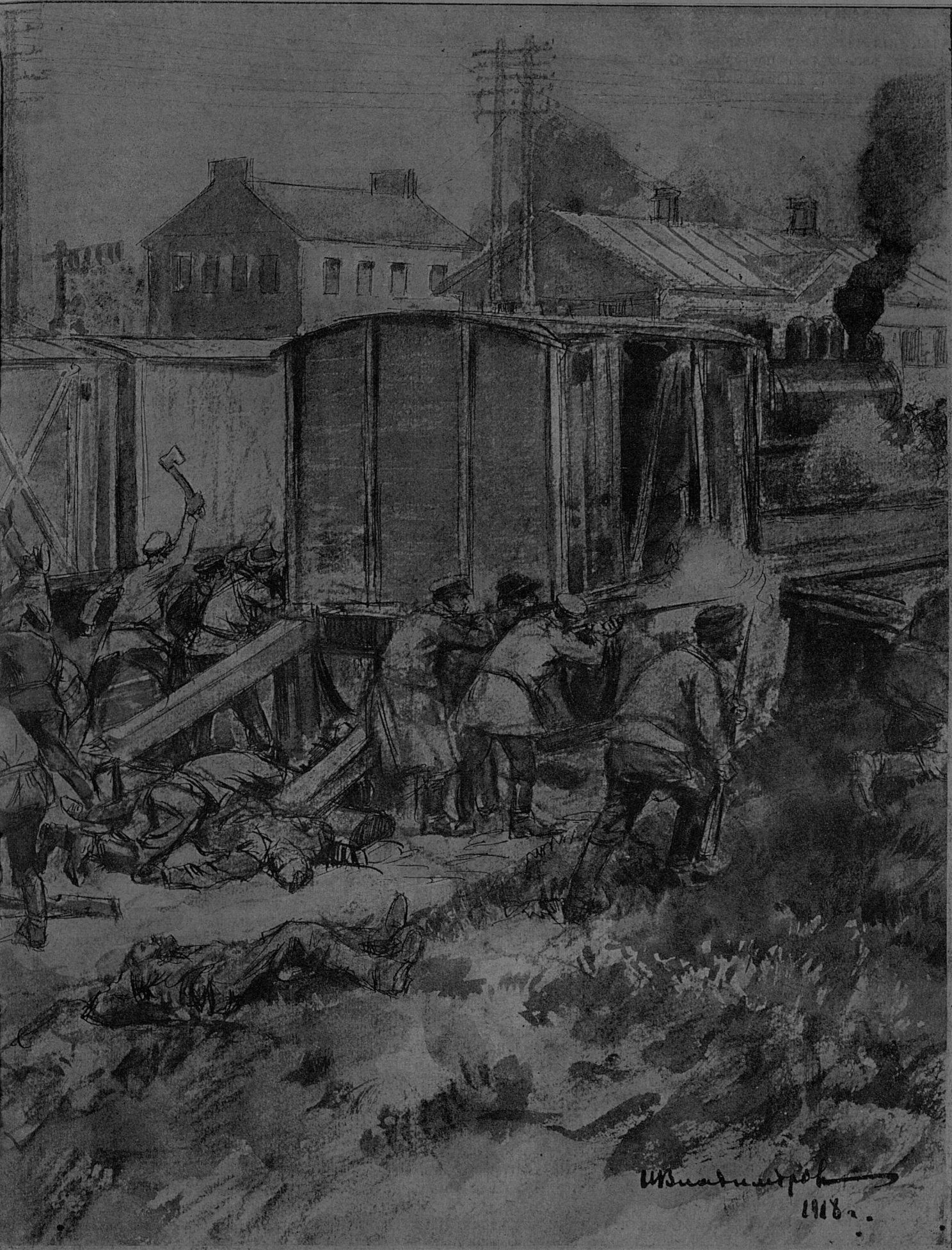
*) «Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-япон. войнѣ. 1903 г. Изд. В. Березовскаго; переведена на нѣмец. языкъ».

Перевозка продовольственныхъ грузовъ, а въ особенности муки, по желѣзнодорожнымъ путямъ, ведущимъ къ голодному Петрограду, производится въ последнее время иногда при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ.

Всѣ поѣзда идутъ съ конвоемъ, состоящимъ по временамъ изъ полусотни хорошо вооруженныхъ сытыхъ красноармейцевъ, но, несмотря на охрану, многие изъ продовольственныхъ поѣздовъ подвергаются открытому нападенію и разгрому.

На дняхъ, близъ одного изъ маленькихъ полустанковъ линіи сѣверной дороги, толпа остановила продовольственный поѣздъ и приступила къ ограбленію вагоновъ. Охрана пыталась было оказывать сопротивленіе, но послѣ короткй перестрѣлки, во время которой было ранено нѣсколько красноармейцевъ, а одинъ изъ нихъ убитъ на крышѣ вагона, толпа разогнала охранниковъ и принялась вскрывать вагоны.

Голодные грабители съ ожесточеніемъ бросились къ вагонамъ, вытаскивали кули съ крупой и мѣшки съ бѣлой мукой. Появились бабы и дѣвки помогавшія уносить тяжелые мѣшки.
Въ это время у разбѣжавшейся охраны первый страхъ миновалъ и красноармейцы принялись издалека обстрѣливать толпу, среди которой скоро оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.
Руководившій нападеніемъ молодой человекъ въ мягкой сѣрой шляпѣ и кожаной курткѣ, съ южнымъ типомъ лица, отрядилъ нѣсколько „с рѣ ковъ“ для прикрытія ружейнымъ огнемъ „операци“ грабителей.
Подъ свистъ пуль и грохотъ перестрѣлки голодные грабители всетаки успѣли очистить цѣлый рядъ вагоновъ.
Черезъ нѣсколько времени появились подводы и награбленное продовольствіе было увезено въ „неизвѣстномъ направленіи“... Опустошенный поѣздъ двинулся дальше.

САБЛЯ ПРОРОКА.

Разсказъ.

Истомила, измучила меня горная дорога... Цѣлый день шелъ я по горамъ и бѣлая пыль дорожная сыпалась мнѣ въ лицо, забивала дыханіе. Вѣтеръ бросалъ съ моря короткіе, частые вздохи, точно громадный загнанный звѣрь, а горы отвѣчали ему тяжкимъ шумомъ, будто кто то отдувался утомленно,—лежалъ среди пустыхъ сѣрыхъ скалъ и вздыхалъ во всю широкую грудь свою.

Внизу подо мной кучерявились шапки садовъ, подобныхъ зеленому водопаду, они непрерывно пугливо трепетали, тоже истомленные бурей, и смиренно просили о спокойствіи, объ отдыхѣ. Утомленно двигались безконечныя ленты облаковъ; шли облака изъ за моря, подходили къ горамъ и, казалось, въ себя впитывали ихъ горы. Но въ сизой дали возникали новыя пряди ихъ и опять двигались и думалось, что никогда не будетъ конца тоскливому пути.

Шелъ я, смотрѣлъ на тягостное движеніе кругомъ и думалъ что и облака, и сады, и горы, и темный лѣсъ на высокихъ склонахъ ихъ несутъ только жалобный трепетный крикъ:

— Конца, конца... Тишины.

Неспокойно было и море. Громадное и хмурое, поднималось оно къ верху живой подвижной стѣной, росписанной разными красками. У береговъ подъ обрывами сѣрыхъ камней было оно грязновато желтаго цвѣта, окрашенное красной глиной береговъ, безпкойныя волны его порой—коричневые плотными рядами шли къ берегу и, ударяясь о него, бросали къ верху бѣлую пѣну, завивались крупными клубами. Дальше шла сизо сѣрая муть, въ ней были вкраплены, какъ лишай, громады травянисто зеленныя или малахитовыя пятна. А за ними тяжелый, темно синій просторъ спаивался съ сѣрой вереницей облаковъ.

Ниже дороги у камней, увидалъ я человѣка. Старый татаринъ—пастухъ тонконогихъ козъ—сидѣлъ неподвижно, самъ похожій на камень, и дымилъ длинной трубкой.

Бѣлыя козы паслись между камней, порой легко и сильно, точно стальные пружины, прыгая, а старикъ, засунувъ руки въ рукава сѣраго халата, смотрѣлъ на море, курилъ и вѣтеръ рвалъ синій дымокъ его трубы.

И такъ захотѣлось мнѣ спокойной человѣческой рѣчи—при видѣ этого старика. Древнимъ, вѣчнымъ вѣяло отъ его спокойствія, отъ одиночества среди сѣрыхъ скалъ, около горныхъ животныхъ. Усталость послала меня къ нему. Покорно сошелъ я внизъ, поздоровался и молча сѣлъ около.

Онъ долго смотрѣлъ на меня спокойнымъ взглядомъ темныхъ, теперь уже выпѣвѣтающихъ глазъ. Желтое лицо его въ рамкѣ сѣдыхъ волосъ было безмятежно—по восточному.

Потомъ медленно, съ большими промежутками между вопросами, спросилъ—кто я, откуда, куда иду... Я отвѣчалъ подробно и вѣрно, а онъ кивалъ головой, будто запоминалъ мои отвѣты и что-то раздумывалъ надъ ними.

— Молодой,—сказалъ онъ вдругъ неопредѣленно.

— Не старый,—согласился я.

Но онъ отвѣтилъ,—точно сожалѣя о чемъ то, вздыхая:

— Глаза твои старые.

Нечего было сказать мнѣ на это,—я промолчалъ,—а онъ, подумавъ,—спросилъ опять:

— Война ходилъ?

— Ходилъ.

— Такъ, такъ... У меня два сына тоже на войнѣ. Не знай живъ, не знай—нѣтъ. Думалъ, думалъ... Совсѣмъ бѣда.

Корявымъ пальцемъ, желтымъ у ногтя, поправилъ табакъ, вытѣзавшій изъ трубки, и опять глубоко засунулъ руки въ длинные рукава.

— Большой вѣтеръ. Трудно ходить?

— Трудно, старикъ.

— Трудно, да... Такой вѣтеръ, такая буря—совсѣмъ бѣда. Людей морить, коза морить, въ саду по яблоку бьетъ—яблоко падаетъ, пропадаетъ, грушу бьетъ—груша пропадаетъ. Изъ винограда колья таскаетъ. Что будемъ дѣлать.

Я посочувствовалъ ему, неопредѣленно бормоча что-то подъ носъ. А онъ опять спросилъ неожиданно, какъ и многое, ибо мысль его шла по путямъ, не совсѣмъ схожими съ нашими.

— Когда война мириться будетъ?

— Не знаю, старикъ.

— Не знаешь?—онъ посмотрѣлъ на меня по стариковски хитро.—Никто не знаетъ. Совсѣмъ нельзя того, чтобы война не была. Это какое море?

— Черное. А что?

Онъ слегка наклонился ко мнѣ и, округливъ глаза, сообщилъ тихо, почти со страхомъ, будто открывалъ какую-то тайну.

— Въ Черномъ морѣ сабля лежитъ. Не знаешь? Надо саблю тащить. Пока сабля-буря. Я, братъ знаю. Я шестьдесятъ два года въ море смотрю.

— Какая сабля?

— Пророкъ Магометъ слыхалъ? Вашъ Христа, нашъ Магометъ. Ну вотъ его сабля тамъ. Слыхалъ?

— Ничего не слыхалъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, точно сожалѣлъ о моемъ незнаніи, даже покачалъ головой.

— Богъ саблю Магомету далъ. Пророкъ на невѣрныхъ войной ходилъ. Кого завоевалъ, того училъ, какъ надо. Обучалъ всему правильному. Вотъ, видите Богъ,—Магометъ хорошо дѣло дѣлаетъ, старается, взялъ подарилъ ему саблю. Большая сабля, здоравая, какъ слѣдуетъ. Сама машетъ, головы долой, всѣ бѣгутъ—просто бѣда какая сабля. Таковую не купишь. Потомъ помирать

сталъ, саблю Али подарилъ. Слыхалъ Али?

— Слыхалъ.

— Ну, вотъ. Святой человѣкъ. Зять его былъ. Только тоже воевалъ, училъ народъ, который народъ въ Бога вѣровать не умѣетъ. Отъ него потомъ сабля въ воду попала.

— Бросилъ онъ, значить, саблю-то.

— Кто? Старикъ? Онъ сынамъ велѣлъ бросить. Самъ помирать сталъ, лежить, а сынамъ велѣлъ саблю въ море бросить, вотъ сюда, въ Черное. Это такое море—самое глубокое. Сынамъ нельзя саблю давать. Сынъ семь, а сабля одна. Что будешь дѣлать. Семь головъ и всѣ по своему думаютъ, всѣ разное. Какъ они народъ учить будутъ. Вотъ и велѣлъ въ море бросить.

— Они и бросили?

— Бросили. Только сначала пошли, несутъ, а сами говорятъ: «Зачѣмъ бросать. Очень хорошая сабля. Давай въ землѣ копать, потомъ достанемъ». Зарыли, а старикъ узналъ. Али-старикъ. Святой человѣкъ. Сейчасъ узнать бранить началъ. Развѣ его обманешь? Сыновья клятву давали, сильно плакали. Стыдно. Такое дѣло. Опять пошли, опять взяли саблю, сюда и бросили. Въ море. Въ это самое мѣсто. Ну, вотъ...

— И теперь лежить?

— Сабля?—спросилъ онъ, будто рѣчь шла о чемъ нибудь другомъ.—Сабля лежить.—Старикъ затыгивался трубкой, она съ присвистомъ хрипѣла и онъ слова бросалъ отрывисто—лежить... въ самомъ морѣ... лежить...

Но трубка потухла. Тогда онъ сталъ выколачивать сѣрый пепелъ, постукивая чубукомъ о камень. А потомъ, сунувъ трубку въ карманъ, онъ посмотрѣлъ на меня опять и въ глазахъ его я прочиталъ умную, блестящую, по стариковски запрятанную усмѣшку.

— Только знаешь, немножко ошибся старикъ Али. Немножко ошибся. Знаешь, какъ?

Онъ сдѣлалъ паузу—и мелко засмѣялся, показывая сквозь подстриженные по татарски сѣдые усы желто-черные отъ куренья рѣдкіе корешки зубовъ:

— Понимаешь: сабля-то привыкла воевать. Сама привыкла, какъ живая. У ней душа стала, душа проситъ голову рубить, народъ гонять,—вотъ какое дѣло. Теперь что ей лежать въ водѣ. Скучно. Лежить, лежить, потомъ—давай. Туда сюда ходить, вертеть, воевать хочетъ,—какъ пить. Море не хочетъ, а сабля хочетъ. А море не пускаетъ. Вотъ и буря. Такое дѣло. Понялъ?

...Видно хотѣлъ разсказать мнѣ старикъ какую-то давнюю легенду, рожденную въ горахъ на берегу этого моря, да забыла ее сѣдая голова и спугала съ чѣмъ-то, что теперь заполнило его тягучія, одинокія мысли.

Вотъ такъ я и понялъ.

Антонъ Амнуэль.

10—11 июня нѣсколькими членами Русск. О-ва Любителей Мировѣдѣнія замѣчено было появленіе на небѣ, въ созвѣздіи Орла, новой яркой звѣзды первой величины.

НОВАЯ ЗВѢЗДА.

солнцъ. «Раскаленные ядра этихъ небесныхъ тѣлъ обнажаются и излучаютъ ослѣпительно яркій свѣтъ; послѣ этого наступаетъ быстрое охлажденіе, которое опять превращаетъ новыя звѣзды въ весьма неяркія свѣтила» — пишетъ авторитетный знатокъ неба Сванте Аррениусъ и даетъ такую картину катастрофы:

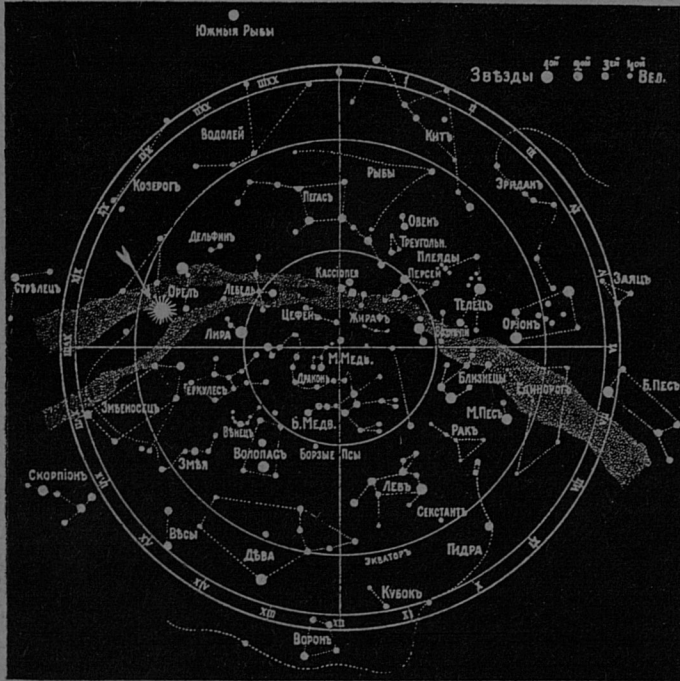
«Когда сталкиваются между собой два тѣла, подобныхъ нашему солнцу, они устремляются другъ къ другу со скоростью до 900 верстъ въ секунду. Обыкновенно толчокъ бываетъ не центральнымъ, а боковымъ. Послѣ столкновенія развивается почти необразимая быстрота вращенія обѣихъ массъ вокругъ общей оси, вслѣдствіе чего крайніе слои выталкиваются наружу, какъ огненные вихри фейерверочнаго колеса».

Нѣсколько иную картину встрѣчи двухъ солнцъ рисуетъ проф. Бикертонъ: по его мнѣнію, результатомъ сближенія солнцъ является третье яркое тѣло, обра-

но и безъ столкновенія послѣдствіемъ встрѣчи были бы столь же гибельны. Оба тѣла были разорваны на части тѣми приливами, которые поднялись на нихъ при сближеніи; раздробленный пришелецъ, пройдя, оставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ посѣщенный имъ міръ, лишь его разорванное тѣло, и пошелъ дальше своимъ путемъ. А то, что было солнцемъ, осталось одно съ разсыянными кругомъ осколками. Изъ наружныхъ осколковъ образовались большія и малыя массы, а обломки разбитого ядра вновь соединились съ центральнымъ тѣломъ».

Если бы не свѣтлыя сѣверныя ночи, петроградцы легко могли бы видѣть эту новую звѣзду и простымъ глазомъ; она находится на продолженіи прямой линіи, проведенной отъ Полярной черезъ Вегу и продолженной на такое же разстояніе: здѣсь, близъ яркой звѣзды Альтанръ, созв. Орла, можно попытаться искать новую звѣзду около полуночи (т. е. 2 час. ночи новаго счета).

Любопытно, что, наблюдая сейчасъ появленіе новой звѣзды, мы въ сущности являемся свидѣтелями событія давно прошедшихъ временъ: мировой пожаръ бушуетъ въ такой отдаленной части вселенной, откуда свѣтъ приходитъ къ намъ въ теченіе десятковъ, а можетъ быть и сотенъ лѣтъ! Новая звѣзда Персея, появившаяся на нашемъ небѣ въ 1901 году, на самомъ дѣлѣ вспыхнула еще въ 1700 году, при Петрѣ Великомъ, — но свѣтъ употребилъ два столѣтія, чтобы пройти огромное разстояніе, отдѣляющее отъ насъ мѣсто катастрофы. Вотъ почему грандіозный мировой пожаръ, губящій одни міры и зарождаящій новые, кажется намъ отсюда лишь простой маленькой искоркой, незамѣтно

Положеніе новой звѣзды на картѣ сѣвернаго неба.

Недавно вспыхнувшая новая звѣзда находится въ области Млечнаго Пути, въ созвѣздіи Орла, близъ звѣзды «теты» Змѣи.

Появленіе новой неподвижной звѣзды—явленіе чрезвычайно рѣдкое. Несмотря на обиліе звѣздъ, наблюдаемыхъ простымъ глазомъ, и несравненно большее число, видимое въ современные телескопы,—положеніе каждой изъ нихъ точно опредѣлено, и внезапное появленіе среди нихъ новой звѣзды разсматривается, какъ настоящее событіе. До сихъ поръ извѣстно лишь 32 случая вспыхиванія новыхъ звѣздъ, и нынѣ сіяющая новая звѣзда является 33-мъ временнымъ гостемъ нашего неба. «Временнымъ»—такъ какъ всѣ новыя звѣзды, черезъ болѣе или менѣе короткій срокъ меркнуть и вновь погружаются въ тотъ мракъ, изъ котораго онѣ внезапно вынырнули. Вѣроятно, и новая звѣзда созв. Орла не составитъ исключенія изъ общаго правила. Яркость ея уже сейчасъ замѣтно ослабѣла.

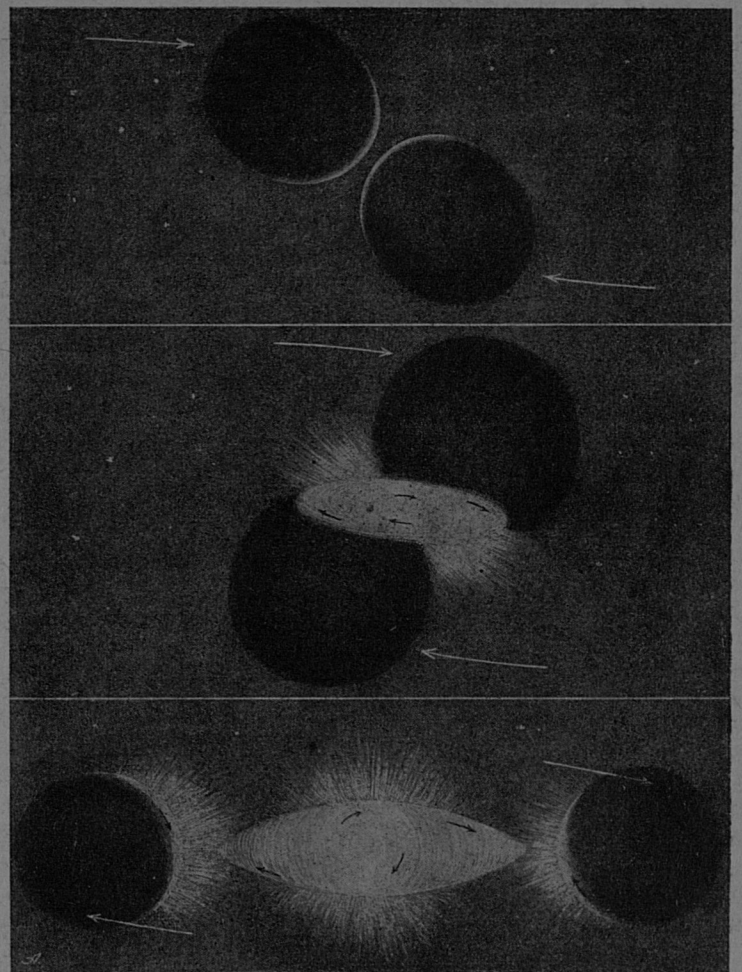
Нынѣшняя новая звѣзда по своей яркости занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду своихъ предшественницъ. Въ этомъ отношеніи она уступаетъ лишь той новой звѣздѣ въ созвѣздіи Кассіопеи, которая загорѣлась внезапно въ 1572 году и которую народное воображеніе связывало съ кровавыми ужасами Варооломеевской ночи: эта звѣзда затмила Сиріусъ своимъ блескомъ и сіяла на небѣ около 1½ лѣтъ, постепенно ослабѣвая. Необыкновенной яркостью—такою же какъ и нынѣшняя новая звѣзда—отличалась и та, которая вспыхнула въ февралѣ 1901 года въ созвѣздіи Персея; но пребываніе ея на небѣ было очень кратковременнымъ: уже черезъ мѣсяцъ на ея мѣстѣ нельзя было ничего различить простымъ глазомъ. А между тѣмъ, въ пору наибольшаго блеска яркость ея была такъ велика, что понадобилось бы 5.000 нашихъ солнцъ, чтобы на соответствующемъ разстояніи сіять съ такой силой!

Чѣмъ же объясняются эти внезапныя вспышки новыхъ звѣздъ? Современная астрономія еще не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Существуетъ нѣсколько гипотезъ для объясненія причинъ ихъ появленія. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что мы являемся свидѣтелями какой-то грандіозной космической катастрофы, мирового пожара, бушующаго въ отдаленныхъ глубинахъ вселенной. Наиболѣе вѣроятная теорія разсматриваетъ временное появленіе новой звѣзды, какъ результатъ столкновенія или сближенія двухъ полугасшихъ

завашеяся благодаря изліянію изъ ихъ нѣдръ расплавленного вещества. Три стадіи этого процесса изображены на прилагаемомъ рисункѣ.

Какъ бы то ни было, каждая новая, внезапно вспыхнувшая, звѣзда говоритъ намъ о величавой катастрофѣ, о разрушеніи двухъ мировъ, и въ то же время—о зарожденіи новаго міра. Нѣкогда—сотни миллионовъ лѣтъ назадъ—наша собственная планетная система зародилась при подобной же катастрофѣ. Новѣйшая космогоническая теорія считаетъ такое образованіе планетныхъ системъ наиболѣе вѣроятнымъ. Покойный проф. Ловелль, популярный авторъ знаменитой книги «Марсъ и жизнь на немъ», такъ описываетъ эти первые дни творенія:

«Поэма нашей солнечной системы начинается великой катастрофой. Столкнулись два солнца. Что было—погибло; чему предстояло быть—родилось. Грандіозное мировое рожденіе ознаменовалось событіемъ, роковымъ для обонхъ родителей. Бѣдѣ чѣмъ вѣроятнѣе, что одна изъ столкнувшихся массъ или обѣ были темныя тѣла, умершія солнца.

Образованіе «новой» звѣзды при столкновеніи двухъ темныхъ угасшихъ звѣздъ (теорія проф. Бикертонъ). Согласно этой теоріи, при сближеніи двухъ полугасшихъ солнцъ изливается изъ ихъ нѣдръ раскаленная масса, которая въ видѣ выходящей свѣтящейся туманности остается на мѣстѣ катастрофы, послѣ того, какъ породившія его солнца вновь расходятся. Рисунокъ изображаетъ три послѣдовательныхъ стадіи этого процесса.

вспыхнувшей среди величаваго безмолвія звѣзднаго неба.

Я. Перельманъ

ПРИЗРАЧНЫЕ ГОЛОСА.

Рассказ А. ШЕБЕЛЯ

(съ нѣмецкаго).

— А какъ поживаетъ ваша супруга? Господинъ Джосуа Геренбекъ—фирмы «Наслѣдники вдовы Геренбекъ, кайенскій перецъ»—опустилъ ложку съ икрой, не донеся ея до рта. По окончаніи утреннихъ дѣлъ, онъ имѣлъ обыкновеніе подкрѣпляться какими-нибудь деликатессами, въ родѣ бѣлаго бургундскаго вина, молока стариковъ.

— Такъ вы не знаете?

— Мое невѣдѣніе, быть можетъ, извинительно, если принять во вниманіе, что я только что пріѣхалъ изъ Токио.

Вульгарное самодовольство крупнаго коммерсанта вдругъ куда-то улетучилось. Выраженіе его лица стало какимъ то растеряннымъ и жалкимъ. Такія лица бывають у сытыхъ, упитанныхъ мальчиковъ, лишившихся лакомаго куска. Онъ заморгалъ глазами и нѣсколько разъ открывалъ ротъ, точно собираясь заговорить. Но, казалось, толстыя отвислыя губы подъ рыжими усами не хотѣли ему повиноваться.

— Моя жена умерла, выговорилъ онъ, наконецъ, и въ уголкахъ его глазъ блеснули слезинки. Его руки задрожали.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій напротивъ, — будущій наслѣдникъ фирмы «Штейнрихъ — Гамбургъ, экспортъ», изысканный франтъ, испорченный Парижемъ, вздрогнулъ, точно отъ выстрѣла.

— Умерла?!—произнесъ онъ съ остеклянившимся взглядомъ. Потомъ еще нѣсколько разъ произнесъ то же слово.

Ослотвѣлый супругъ только кивнулъ головой и смотрѣлъ на свое обручальное кольцо, которое точно вросло въ его жирный палецъ.

Наступило молчаніе.

Лицо молодого человѣка нервно подергивалось. Наконецъ, онъ заставилъ себя пробормотать какую-то соболѣзную фразу, добавивъ:

— Но что же было виной этого несчастья? Я бы очень хотѣлъ знать.

— Вы хотите сказать — какъ она умерла? Совсѣмъ неожиданно, три мѣсяца тому назадъ. У нея сдѣлался разрывъ сердца. Ее нашли передъ письменнымъ столомъ, закутанную въ халатикъ, съ капелькой крови въ углу рта. Эта капелька была похожа на тѣ кораллы, которые она такъ любила...

Его низкій грубый голосъ вдругъ какъ-то закрипѣлъ, точно звукъ испорченныхъ часовъ.

— Она какъ разъ начала писать мнѣ письмо. Мнѣ, который только часъ тому назадъ уѣхалъ на вокзалъ. Я долженъ былъ отправиться въ Марсель по дѣламъ. Я еще не вошелъ въ вагонъ, а она уже писала мнѣ...

Теперь онъ громко зарыдалъ, закрывая свое, въ лиловыхъ жилетахъ, лицо салфеткой.

Взглядъ молодого человѣка все еще былъ бессмысленно направленъ въ пространство.

Заглушенный салфеткой продолжалъ жалобный, захлебывающійся голосъ коммерсанта:

— И черезъ три дня все исчезло въ землѣ: и легкіе золотистые волосы, глаза, такъ напоминавшіе мнѣ всегда аметисты, и дорогія, маленькія ручки... Ахъ, какъ эти ручки умѣли ласкать...

Господинъ Джосуа Геренбекъ опустил салфетку.

Онъ становился болтливымъ подъ вліяніемъ лѣтввшихъ его самолюбію воспоминаній.

— Она была очаровательна, очаровательна,—закончилъ онъ.

Молодой человѣкъ провелъ языкомъ по пересохшимъ губамъ, точно вспоминая о лакомомъ блюдѣ, котораго ужъ никогда больше не попробуетъ.

— Я все же былъ на цѣлыя двадцать пять лѣтъ старше жены, а красотою и въ молодости не отличался. Но она была воспитана въ духѣ любви и уваженія къ мужу. Ахъ, ея наивныя, нѣжныя ласки, ея забавныя шалости! Она была такая прелестная сумасбродка и смотрѣла на жизнь, какъ на сказку...

Штейнрихъ медленно кивнулъ головой. Его загорѣлое лицо точно слегка выпѣхло. А глаза приняли мечтательное выраженіе, точно ему вспоминался какой-то сонъ, фата-моргана...

— Но, несмотря на ея легкомысліе, я не нашелъ послѣ ея смерти ничего, чтобы говорило о томъ, что у нея были увлеченія на сторонѣ. Я не нашелъ даже сентиментальныхъ школьных сувенировъ, вродѣ локоновъ, сухихъ цвѣтовъ или стиховъ. Ничего подобнаго! И ни одного неоплаченнаго счета, моя бѣдная, маленькая женка! Ей, вѣдь, было всего восемнадцать лѣтъ, когда я женился на ней. Она тогда только что выпорхнула изъ института. Такой невинный звѣрекъ!

Онъ громко высморкался и продолжалъ:

— И такой она осталась до самой смерти. Въ концѣ концовъ, лучше, что она умерла молодой. Слишкомъ обидно было бы видѣть увяданіе ея красоты, да и лучше, что она не узнала всей грязи жизни... Вскочила чуднымъ солнечнымъ утромъ, протянула мнѣ на прощаніе свои красныя губки, сѣла за письменный столъ и — нѣтъ ея, точно ее сдунули съ земли!

Онъ вычищалъ себѣ зубы зубочисткой, висѣвшей у него на цѣпочкѣ.

— Знаете, что я нашелъ въ потайномъ ящикѣ ея письменнаго стола?

Въ глазахъ Штейнриха промелькнуло что-то и притаилось.

— Представьте себѣ, тамъ были всѣ письма, которыя я ей писалъ за время нашего брака. Они были подобраны по числамъ и перевязаны ленточкой.

Молодой человѣкъ перемѣнилъ позу и сказалъ искренне растроганнымъ голосомъ, стараясь найти подходящія для утѣшенія вдовца слова:

— Уважаемый господинъ Геренбекъ, васъ волнуютъ эти воспоминанія... Такое большое, безоблачное счастье, какъ ваше, не могло быть вѣчнымъ. Такъ или иначе, оно должно было кончиться...

Коммерсантъ пригладилъ рукой спускавшіяся на лобъ пряди волосъ.

— Вы правы, мой молодой другъ, вы правы. Такъ или иначе. И, быть можетъ, такъ было лучше. Другого конца я бы просто не перенесъ. Меня утѣшаетъ то, что я ни разу не сказалъ ей неласковаго слова, ни разу ни въ чемъ не отказалъ ей. Я счастливъ, что могъ окружить ее роскошью и что всегда обращался съ ней такъ бережно...

Онъ глубоко вздохнулъ и всталъ.

— Но поговоримъ теперь о нашемъ дѣлѣ. Долгъ, въ концѣ концовъ, единственное лѣкарство противъ ранъ, которыя намъ наносятъ жизнь. За воспоминаніе!

Дрожащими отъ тяжелыхъ воспоминаній руками налилъ онъ товарищу подѣлу такъ полно стаканъ, что вино перелилось черезъ край и сдѣлало пятно на зеленомъ сукнѣ рабочаго стола.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ было закончено дѣло между двумя крупными торговыми домами, Геренбеку доложили, что его желаетъ видѣть дама.

Это было рѣдкимъ случаемъ въ конторѣ знаменитаго торговца кайенскимъ перцемъ.

Дама энергично отвергла предложеніе секретаря выслушать ее, желая во что бы то ни стало говорить съ самимъ Геренбекомъ.

Растроганный утреннимъ разговоромъ, еще весь подъ вліяніемъ нѣжныхъ воспоминаній, Геренбекъ рѣшилъ сдѣлать исключеніе и принять ее. На основаніи опыта долгаго ряда лѣтъ, онъ думалъ увидѣть передъ собой весьма рѣшительную и смѣлую просительницу.

Массивная дверь кабинета главы фирмы закрылась за вошедшей. Господинъ Джосуа Геренбекъ окинулъ ее острымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Все въ этой женщинѣ было фальшиво: ея элегантность, цвѣтъ волосъ, взглядъ. Отъ чернаго шелковаго платья исходилъ рѣзкій ароматъ, все въ ней бросалось въ глаза. Коммерсантъ сейчасъ же мысленно рѣшилъ, что передъ нимъ былая жрица любви невысокаго полета, живущая еще воспоминаніями короткой эпохи своей неотразимости.

Не приглашая ее садиться, онъ спросилъ холодно и небрежно:

— Чѣмъ могу служить?

Непріятная лукавая улыбка пробѣжала по изношенному лицу гостьи. Она кашлянула и трянула своимъ дешевымъ боа, изъ котораго вылетѣло нѣсколько пѣтушиныхъ перьевъ.

— Мое дѣло немного... гм... немного цекотливо. Изъ-за своей неожиданной смерти ваша уважаемая супруга не успѣла разсчитаться со мной. Конечно, мнѣ очень непріятно, даже тяжело васъ беспокоить, но я хотѣла бы получить этотъ маленькій долгъ. Я ждала три мѣсяца изъ уваженія къ трауру...

Коммерсантъ нервно обдернулъ на себѣ жилетъ. Болтливость этой особы начала его изводить.

— Вы портниха?—перебилъ онъ ее.

— Ничего подобнаго, сударь,—ея глаза блеснули.

— Я содержательница элегантныхъ комнатъ, которыя сдаю людямъ изъ лучшаго общества, такъ какъ квартира стала теперь велика для меня...

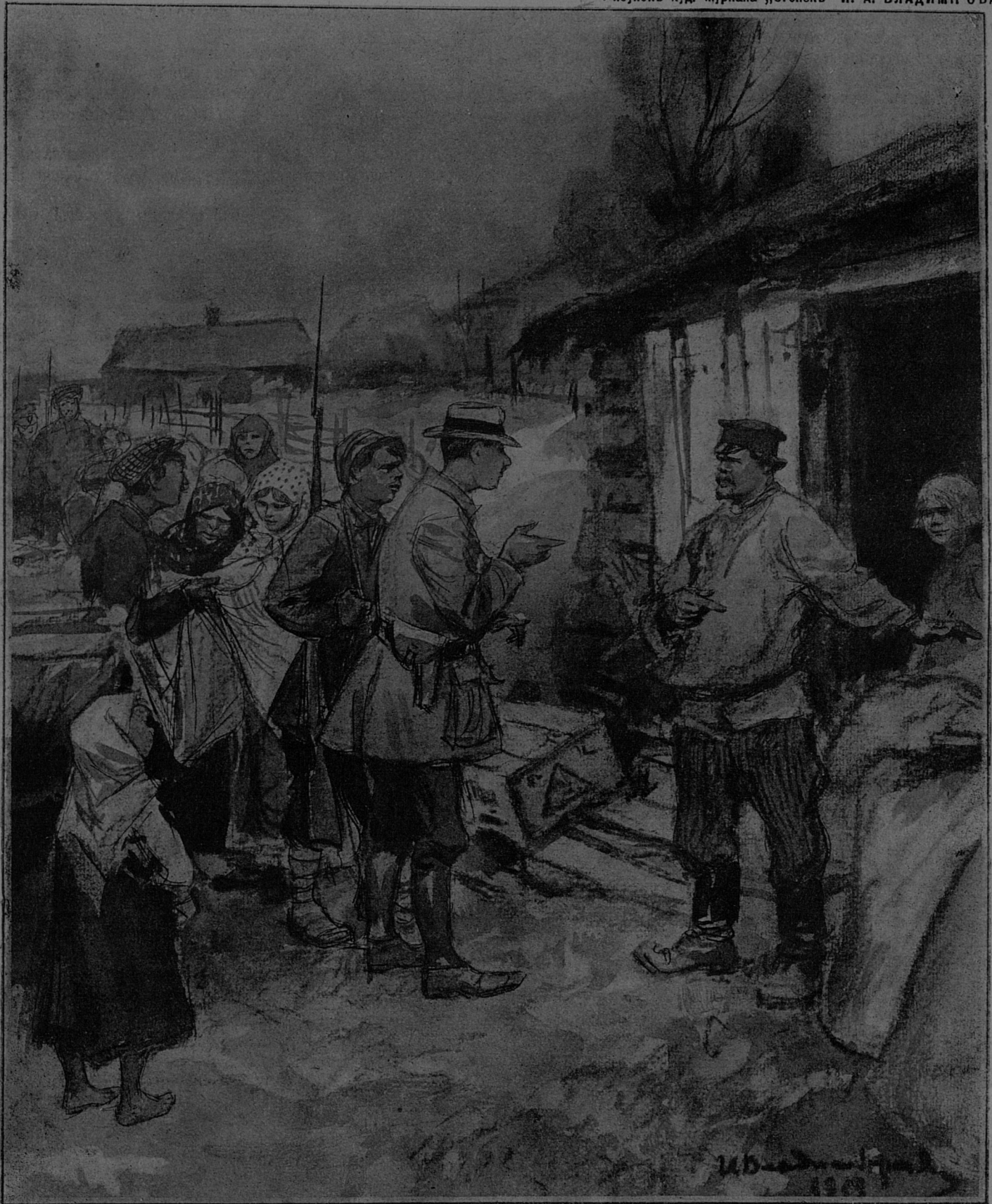
И по привычкѣ дѣловаго человѣка, она начала расхваливать свой товаръ, забывъ на мгновеніе цѣль своего визита.

Онъ почувствовалъ странное щекотанье въ горлѣ и перебилъ ее хрипло: — Позвольте узнать, какъ же вамъ

— Ваша уважаемая супруга нанимала у меня маленькое помѣщеніе въ бѣль-этажѣ, конечно, не подъ своимъ именемъ....

Государственная мѣновая торговля въ Россійской федеративной социалистической республикѣ совѣтовъ.

Рисунокъ худ. журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Параллельно съ рѣшеніемъ совнаркома послать вооруженные отряды за хлѣбомъ въ деревни, чтобы снабдить голодные столицы, постановлено было организовать въ государственномъ масштабѣ и мѣновую торговлю города съ деревней. Кое куда, дѣйствительно, пошли транспорты съ мануфактурой, галошами и другими продуктами города въ обмѣнъ на хлѣбъ и картофель. Но, конечно, въ государственномъ масштабѣ такую грандіозную операцію осуществить не удалось: у самого города нѣтъ достаточно фабрикатовъ, въ транспортѣ—полная разруха и, наконецъ, чтобы наладить такую торговлю нуженъ мощный и правильно работающій государственный механизмъ.

— И у меня всѣ удобства, сударь,— я сдаю комнаты по недѣлямъ, по днямъ и, даже, по часамъ, если кто нибудь пожелаетъ.

извѣстно имя моей покойной супруги?.. Она фамильярно приблизилась къ дубовому креслу коммерсанта и улыбка ея теперь стала уже нахальной.

Молча, не дыша подался господинъ Джосуа Геренбекъ впередъ. Онъ еще не могъ хорошенько понять, что скрывалось за словами этой женщины. Но

ему казалось, что какой-то страшный яд парализовал вдруг всё его члены.

— Конечно, не подь своимъ именемъ,—успокоительно, со скрытымъ сочувствіемъ продолжала женщина,—но, вѣдь, всякій человѣкъ любопытенъ. И, въ концѣ концовъ, мнѣ удалось узнать, кто была очаровательная дама, такъ часто бывавшая у меня въ теченіе четырехъ лѣтъ и называвшая себя Илькой Монтанусъ.

Коммерсантъ вскочилъ со своего кресла.

Въ немъ чувствовалась разъяренность дикаго звѣря и движенія его были живы, какъ въ дни далекой молодости. Вся неводержанность его предковъ всплыла теперь въ немъ наружу, и онъ чуть не бросился на женщину, такъ сладко ему улыбающуюся.

— Вы съ сума сошли?—крикнулъ онъ.— Или вы хотите шантажировать меня? Васъ сейчасъ выведутъ отсюда...

Она зашипѣла ему въ отвѣтъ:

— Осторожнѣе, сударь... Но, конечно, я понимаю ваше волненіе. Дайте же мнѣ кончить...

— Все это, въ концѣ концовъ, совсѣмъ невинно,—она окинула его стороннимъ испытующимъ взглядомъ,—конечно, тутъ есть маленький секретъ, который я и сама проморгала...,—перышко растрепаннаго боа упало на полъ и прилипло къ шерсти ковра.—

— Ваша уважаемая супруга готовилась на сцену.

Господинъ Джосуа Геренбекъ схватился за голову:

— Моя жена? На сцену?

— Чѣмъ же другимъ можно объяснить то, что ваша супруга такъ часто бывала въ своемъ гнѣздышкѣ, и мнѣ приходилось слышать, проходя случайно по коридору,—тутъ женщина опустила глаза,—какъ она читала монологи...

Возбужденно жестикулируя, перебилъ ее коммерсантъ:

— Но все это вздоръ и чепуха! Покойная была примѣрной хозяйкой и женой. Мнѣ бывало трудно уговаривать ее пойти куда-нибудь въ гости безъ меня, когда я чувствовалъ себя слишкомъ утомленнымъ дневной работой.

Какъ увядшая листва, зашуршало черное платье. Подъ потертымъ подоломъ нервно задвигался кончикъ башмака.

— Не, вѣдь, вы, сударь, часто уѣзжали по дѣламъ, да и полдня проводили здѣсь, въ конторѣ...

Коммерсантъ опустился на свой стулъ.

Ему снова показалась, что члены его нѣмѣютъ, какъ подъ вліяніемъ смертельнаго яда.

Испарина выступила капельками на его лбу.

— Вы говорили, что эта дама часто приходила къ вамъ одна. Но бывалъ ли у нея кто-нибудь въ вашихъ комнатахъ?

— Конечно, у нея бывали гости. Вѣроятно, партнеры, учителя театральнаго искусства...

Геренбекъ застоналъ:

— Послушайте... вы говорите объ умершей... вы бросаете грязь въ женщину, на которую молились...

— Я не знала, что имѣть драматическій талантъ—позоръ!..

Лукавство отвѣта взорвало мужчину. Онъ съ трудомъ сдерживался отъ вспышки.

Во всякомъ случаѣ, не было никакихъ доказательствъ, что эта женщина знала именно его жену. Весь дрожа отъ волненія, бѣгалъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ, похожій на своихъ короткихъ ножкахъ на волчекъ. Потомъ вдругъ остановился передъ женщиной, одѣтой въ черное платье. Она почувствовала на лицѣ его горячее дыханіе.

— А чѣмъ можете вы доказать, что все это правда?

Она слащаво улыбнулась и вынула изъ кармана сложенный листокъ бумаги:

— Я записывала, все, что мнѣ должна была госпожа Геренбекъ—Монтанусъ. Мелочи, конечно. Напримѣръ, не уплачено за освѣщеніе, отопленіе, игру, шампанское... Потомъ за два мѣсяца не было уплачено за помѣщеніе. Какъ только мнѣ будетъ уплачено по этому счету, я позволю себѣ передать вамъ два сундука, принадлежавшіе вашей уважаемой супругѣ. Они внизу, я привезла ихъ съ собой.

Въ мозгу мужчины вдругъ промелькнуло воспоминаніе. На письменномъ столѣ покойной нашлись въ вазочкѣ два маленькихъ ключа, совершенно одинаковыхъ, очень оригинальной работы.

Въ виллѣ Геренбекъ они не подходили ни къ одному ящику, ни къ одному шкафу. Вдовецъ вынулъ ихъ теперь изъ кошелька.

— Быть можетъ, это ключи отъ сундуковъ, о которыхъ вы говорите.

— Ну, конечно! На никкелевыхъ замкахъ сундуковъ такія же украшенія, какъ и на ручкахъ этихъ ключей.

— Если только въ сундукахъ окажутся вещи моей жены, я обещаю уплатить вамъ все по вашимъ счетамъ. Я сейчасъ же открою сундуки, васъ же попрошу пока пройти въ контору...

Дѣлано кашляя, чтобы выиграть время для нѣкоторыхъ соображеній, женщина еще задержалась въ комнатѣ минуту. Потомъ она молча вышла.

Господинъ Джосуа Геренбекъ, между тѣмъ, подошелъ къ окну съ широкимъ подоконникомъ и внимательно разглядывалъ маленькіе ключи. За его спиной поставили принесенные сундуки, и, оставшись одинъ въ комнатѣ, Геренбекъ подошелъ къ нимъ, точно рѣшаясь на какую-то мучительную, но неизбежную операцію. Съ непріязненнымъ чувствомъ вставилъ онъ ключъ въ замочекъ, запоръ щелкнулъ, крышка слегка приподнялась...

Навстрѣчу ему поднялось точно дыханіе самой умершей. Это былъ ея сладкій аромат, который пропиталъ всѣ эти вещи, три мѣсяца лежавшія въ сундукѣ, какъ ихъ обладательница въ гробу.

Чего-чего тутъ не было. Душистые халатики, нарядныя туфельки, ласкавшія

голыя ножки, ящикъ съ туалетнымъ приборомъ, на крышкѣ котораго были крошечные часики, окруженные надписью: «Nogas por nitero nisi segenas».

Лицо Геренбека стало мертвенно-блѣднымъ. Этотъ изящный ящикъ былъ однимъ изъ его свадебныхъ подарковъ Иренѣ. Она какъ-то сказала ему, что потеряла его во время одного изъ своихъ лѣтнихъ путешествій.

Раскаленнымъ желѣзомъ обожгли его слова, сказанныя стоявшей теперь снова около него женщиной въ черномъ:

— Ваша супруга изучала въ этихъ костюмахъ свои роли...

Но онъ не далъ ей продолжать. Какъ удары посыпались на нее слова Геренбека:

— Вонъ! Сейчасъ же вонъ! Сейчасъ же! Я не отвѣчаю за себя... Ахъ, да, ваши деньги...—Онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и вытащилъ изъ него нѣсколько бумажекъ.

— Вотъ ваши деньги. Сдачи не надо...

Наконецъ-то онъ былъ одинъ! Полный разныхъ мыслей стоялъ онъ надъ сундукомъ, изъ котораго поднимался сладкій ароматъ Ирены. Ея руки трогали всѣ эти вещи... любимыя имъ руки, которыя преподнесли ему теперь весь этотъ позоръ.

Медленно взялся онъ за второй ключъ. Что-то найдетъ онъ въ этомъ сундукѣ? Онъ поднялъ крышку. Сверху лежало нѣсколько аккуратно завернутыхъ предметовъ, всѣ одного размѣра и той же формы кружка. А рядомъ стоялъ какой-то элегантный аппаратъ съ рупоромъ. Это былъ фонографъ.

Геренбекъ вспомнилъ, что въ первые годы брака видѣлъ такой аппаратъ у однихъ знакомыхъ. Тогда этотъ аппаратъ воспроизводилъ голосъ Мельба, а заинтересованная Ирена безъ конца хотѣла слушать его.

Точно бальзамъ пролился на его израненное сердце. Неужели выдумка про сцену была правдой? Быть можетъ, Ирена изучала по фонографу интонаціи лучшихъ артистовъ въ ихъ роляхъ и подражала имъ. Быть можетъ, посѣщавшіе ее мужчины были агенты и продавцы? Но зачѣмъ же тогда вся эта тайна? Зачѣмъ эти рискованныя и позорныя посѣщенія комнатъ у женщины грязной профессіи? Во всемъ этомъ было что-то подозрительное, что-то мучительно отдававшееся въ сердцѣ Геренбека.

Закрывъ сундуки, онъ приказалъ нести ихъ внизъ и самъ повезъ ихъ на виллу «Ирену».

Яркій солнечный свѣтъ на улицѣ больно ударилъ ему въ глаза. Они застезились, какъ отъ рѣзкаго запаха перца, которымъ торговый домъ снабжалъ всю Европу.

Мучимый неизвѣстностью, рѣшилъ Геренбекъ тотчасъ же заняться разсмотрѣніемъ таинственнаго аппарата.

Онъ поставилъ его въ комнатѣ Ирены, этомъ роскошномъ гнѣздышкѣ, гдѣ она проводила большую часть своего времени и гдѣ ее постигъ загадочный послѣдній часъ, часъ смерти.

Ароматъ, исходившій изъ сундука, наполнялъ и эту комнату. Его впитала

вся мебель, обои, золотистые шелковые подушки дивана.

Геренбекъ вынулъ изъ сундука аппаратъ.

Фонографъ былъ новѣйшей системы и долженъ былъ великолепно дѣйствовать.

Геренбекъ поставилъ первый попавшійся ему подъ руку валикъ и отступилъ слегка назадъ.

Со стола послышалось шипѣнье, потомъ какіе-то странные, таинственные

въ слезахъ просить умершую простить ему его грязные подозрѣнія.

Опять вздохъ, шипѣніе... и все замолкло. Геренбекъ бросился къ столу, будучи не въ силахъ перенести это молчаніе. Онъ долженъ былъ во что бы то ни стало снова слышать милый, обожаемый голосъ, который, скрывшись подъ землей вмѣстѣ съ золотистыми волосами, блестящими глазами и бѣленькими ручками, все-же не былъ отнятъ у него...

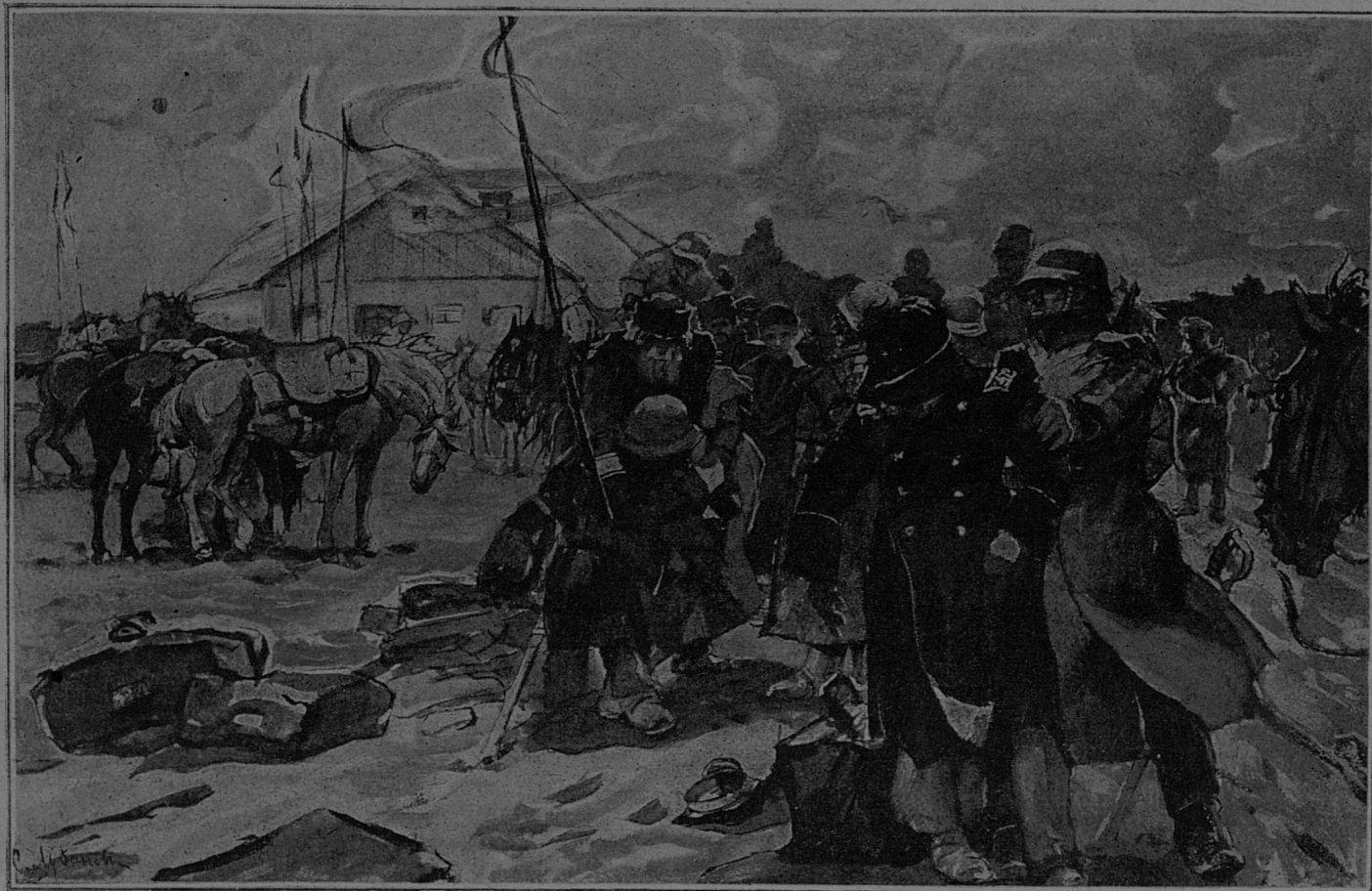
мѣста. А ухо его ловило звуки голоса, какъ на крыльяхъ прилетѣвшаго къ нему изъ міра тѣней и своимъ нѣжнымъ шепотомъ выдававшего ему чудовищный обманъ.

Опять умоляющій, настойчивый мужской голосъ... потомъ какой-то безпорядочный шумъ... молчаніе.

Ощупью нашелъ онъ стулъ и опустился на него. Потомъ снова потянулся къ столу, чтобы поставить новый валикъ.

На демаркаціонной линіи Нарвскаго фронта.

По разсказу очевидца рисунокъ для „Огонька“ худ. С. ЛУЗАНОВА.

Какъ ни хорошо „подъ нѣмцемъ“, все же тяга къ родной, даже „обольшевиченной“ „окоммуналенной“ Россіи столь велика, что несмотря на всѣ мытарства и тяжести перехода русско-германской границы, ежедневно черезъ демаркаціонныя линіи нашихъ многочисленныхъ внутреннихъ „фронтовъ“ пробирается много народа.

На нашемъ рисункѣ изображенъ моментъ осмотра нѣмецкой заставы у Ямбурга ѣдущихъ изъ оккупированныхъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. Два раза въ недѣлю ходитъ этапъ изъ Нарвы до демаркаціонной линіи.

На границѣ заставы—нѣмецкая и наша красноармейская. Отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ, слѣдующимъ съ этапомъ, далеко не изъ вѣжливыхъ: чуть кто не соблюдетъ очереди, торопясь покинуть предѣлы негостепріимной Вильгельмовской провинціи, какъ нѣмецкій солдатъ съ руганью безцеремонно хватается за шиворотъ.

Не меньше мытарствъ претерпѣваютъ и тѣ несчастливцы, которые въ силу необходимости должны пробраться въ Эстляндію. Въ Нарвѣ ихъ держатъ въ карантинѣ не менѣе трехъ дней, заставляя исполнять черныя работы, носить воду, рубить дрова и т. п. Только пробывъ извѣстный срокъ въ этомъ „чистилищѣ“, несчастные бѣженцы впускаются въ самый городъ и могутъ слѣдовать дальше.

звукъ, похожіе на вздохи. Потомъ... потомъ...

Мужчина весь съежился, слезы брызнули изъ его глазъ. Точно подчиняясь невѣдомой силѣ, соскочила на полъ бѣлая кошечка, лежавшая на диванѣ и жалобно мяукнувъ, начала потягиваться.

А изъ трубы фонографа звучалъ голосъ Ирены! Голосъ, жившій среди этихъ, сверкавшихъ шелкомъ, стѣнъ и, казалось, навѣки замолчавшій. Теперь онъ снова звучитъ, такой же обаятельный, хоть аппаратъ и придавалъ ему нѣкоторую рѣзкость, заглушая въ то же время его молодую звонкость.

Изъ рупора аппарата звучали стихи, наивные, нѣжные стихи, сотканые изъ ароматовъ и лунныхъ лучей. Говорилъ ихъ чудный голосъ изъ міра тѣней и ихъ жадно ловило трепещущее сердце мужчины, который, слушая ихъ,

Онъ сталъ устанавливать слѣдующій валикъ. Аппаратъ, послушный ему, ожилъ и заговорилъ. Послышались страстные слова, сказанные звучнымъ, волнующимся мужскимъ голосомъ. Голосъ все громче и настойчивѣе произнесъ нѣсколько разъ имя Ирены.. Молчаніе... потомъ зазвучалъ голосъ умершей и въ немъ послышались такія нотки, что кровь застыла въ жилахъ мужа. Казалось изъ рупора таинственного аппарата этотъ полузаглушенный голосъ психодилъ страстью.

Геренбекъ задвигалъ губами, точно собираясь прервать этотъ откровенный разговоръ двухъ людей въ аппаратѣ, но что-то приковывало его къ мѣсту.

Онъ долженъ былъ слушать, перенести этотъ позоръ до конца. Его короткія ноги двигались, точно онъ хотѣлъ бѣжать, но онъ не тронулся съ

Изъ аппарата послышался неестественный голосъ дэнди. Шелъ разговоръ между Иреной и какимъ-то Жоржемъ, разговоръ полный двусмысленныхъ намековъ, воспоминаній посѣщеній вдвоемъ подозрительныхъ театровъ и маскарадовъ.

За этимъ — опять любовь. Желаніе, муки, жгучій шепотъ — все это замирало въ какомъ-то хаосѣ звуковъ, передать которые въ точности аппаратъ былъ не въ силахъ.

И, наконецъ, измученный Геренбекъ узналъ голосъ молодого человѣка, съ которымъ разговаривалъ въ этотъ день утромъ, который, разспрашивая его о смерти его жены, не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ. А этотъ человѣкъ любилъ его жену и обладалъ ею!

Нѣтъ! Покойная не оставила любовныхъ писемъ, которыя могли выдать

ее. Такія воспоминанія были слишком наивны и просты для ея утонченной, испорченной натуры.

Современная грѣшница новѣйшей школы, она собрала всѣ эти голоса, эти живыя реликвіи, говорившія ей о своей любви, умолавшія ее въ отчаяніи и безумствѣ. Запечатлѣнные, они навсегда оставались съ ней. Въ наемномъ гнѣздышкѣ скрыла она чувствительный аппаратъ, воспринимавшій все, что тамъ говорилося...

Оскорбленный супругъ снялъ валикъ, не дослушавъ его до конца. Онъ не могъ больше слышать голоса этого лжеца, такъ спокойно смотрѣвшаго ему въ глаза, пожимавшаго ему руку, пользовавшагося еще сегодня его гостепріимствомъ.

Коммерсантъ былъ теперь блѣденъ жуткой блѣдностью клоуна. Только носъ его оставался багровымъ. Муки раздирали ему душу, но какая-то невѣдомая сила толкала его искать все новыя и новыя доказательства своего позора.

Зазвучалъ другой голосъ, тоже знакомый Геренбеку. Но онъ никакъ не могъ вспомнить его обладателя, картаво произносившаго букву *р* и отчеканивавшего гласныя. Этотъ красивый голосъ говорилъ самыя пошлыя слова, смѣшныя и нелѣпыя, какія говорятъ горничныя.

Ирена отвѣчала въ томъ же тонѣ, смѣясь и безъ всякаго достоинства. Услышавъ слова — «мой сладкій котикъ», Геренбекъ, охваченный отвращеніемъ, рѣзкимъ движеніемъ остановилъ валикъ.

Съ беспощадной жестокостью звучали одинъ за другимъ голоса. Многіе были знакомы ему, другіе, таинственные, звучали, быть можетъ, въ эту минуту еще гдѣ-нибудь.

И всѣ они произносили имя Ирены, возвышая его ореоломъ любви или волюта его въ гнѣзди своихъ страстей.

Подавленный всѣмъ этимъ позоромъ сидѣлъ одинокій супругъ. Ласкаясь, вскочила къ нему на колѣни кошечка и глаза ея блеснули остро и фальшиво.

Мужчина стиснулъ кулаки и сбросилъ звѣрка на полъ. Что слышитъ онъ теперь...

Его имя произнесъ нѣжный голосъ, единственный женскій голосъ, жившій въ аппаратѣ. Онъ упоминалъ имя Джосуа!

Сильно застучало его сердце. Вѣсь превращался въ слухъ, наклонился онъ впередъ.

— Ахъ, мой единственный любимый, если бы ты зналъ, что я переносу! Какъ мнѣ противенъ этотъ неуклюжій

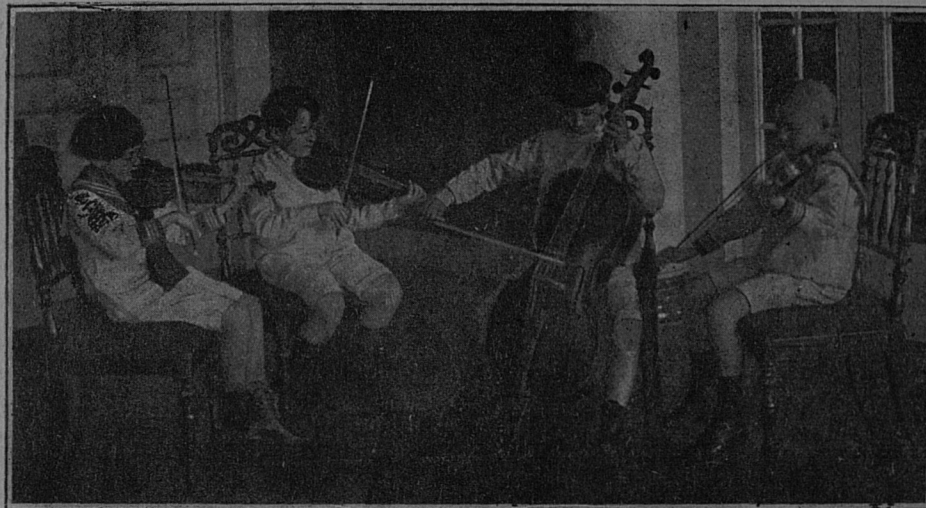
человѣкъ, съ такимъ смѣшнымъ именемъ и манерами. Все въ немъ претитъ мнѣ — его жилеты горошкомъ, его яркіе галстуки, безвкусныя букетики въ петличкѣ, безъ которыхъ онъ никогда не появляется передо мной и которые идутъ ему, какъ быку цвѣты. Меня бросаетъ въ нервную дрожь при звукѣ его шаговъ. А когда онъ пыхтитъ около меня, я готова умереть отъ отвращенія...

Голосъ зазвучалъ слабѣе и Геренбекъ наклонился ближе къ аппарату.

Онъ плакалъ!

— А когда мой супругъ вытираетъ послѣ обѣда свой огромный ротъ, чтобы поцѣловать меня, я готова убить его

Дѣтское Музыкальное Общество „ДМО“.

Квартетъ „ДМО“. Конрадъ Винаверъ (9 лѣтъ)—1-я скрипка; Романъ Амфитеатровъ (11 лѣтъ)—2-я скрипка; Максимъ Амфитеатровъ (11 лѣтъ)—виолончель; Женья Шапиро (9 лѣтъ)—альтъ.

Поощреніе ярко выраженныхъ дѣтскихъ музыкальныхъ дарованій, поддержка ихъ въ развитіи и самостоятельности—вотъ тѣ цѣли, которыя поставило себѣ недавно образовавшееся въ Петроградѣ юное Музыкальное Общество „ДМО“. Дѣтское Музыкальное Общество насчитываетъ уже болѣе 60 членовъ, изъ которыхъ самому старшему, его руководителю и концертмейстеру, — Данилѣ Амфитеатрову, 16 лѣтъ.

Для достиженія своей цѣли, общество устраиваетъ бесплатныя музыкальныя классы для неимущихъ, организовало курсы ритмической гимнастики, декламации, лекціи, чтенія и т. д. Классъ ансамбля также уже имѣется и помѣщенная здѣсь фотографія изображаетъ маленькихъ квартетистовъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени общество переселится въ прекрасное помѣщеніе съ громадною террасою и садомъ, которое будетъ оплачено средствами, собранными концертами самихъ дѣтей.

за то, что онъ купилъ меня, какъ розовую жемчужину, которую носить на груди. Повѣришь ли, милый, каждый разъ передъ тѣмъ, какъ поцѣловать меня, онъ чиститъ себѣ ротъ зубочисткой, которую всегда носитъ съ собой на цѣпочкѣ! А его ненасытная жадность къ деньгамъ, которую онъ забываетъ только около меня!...

Тутъ коммерсантъ вскочилъ на ноги... Слова жены обожгли его, какъ огнемъ, кровь бросилась ему въ голову. Вѣсь багровый крикнулъ онъ:

— Молчите, негодяи! Молчите!

Онъ размахивалъ кулаками, точно думая достать обманщиковъ и ее, фальшивую, очаровательную измѣнницу. Дикими глазами оглядывался Геренбекъ. Потомъ подбѣжалъ къ письменному столу Ирены. Открывъ ящики, онъ выбросилъ на полъ все ихъ содержимое—записки, его собственныя письма. Разрывая все это на части, онъ топталъ ихъ ногами, плевалъ на нихъ. Потомъ онъ забѣгалъ по комнатѣ, сопровождаемый кошкой, забавлявшейся всѣмъ этимъ разгромомъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ портретомъ Ирены, исполненнымъ пастелью. Спокойно и беззаботно смотрѣла измѣнница съ картины. Блестящій, на-

рисованный взглядъ встрѣтился съ налитыми кровью глазами Геренбека.

Онъ вдругъ застоналъ. Голосъ, картаво произносившій букву *р*, принадлежалъ, вѣдь, писавшему этотъ портретъ, поляку съ вкрадчивыми манерами.

Изо всей силы ударилъ кулакъ въ стекло картины. Осколки вонзились въ нѣжное тѣло, рана и разрывая его.

Опомнившись, закрылъ Геренбекъ лицо порѣзанными руками. Что дѣлать? Убить всѣхъ этихъ мужчинъ, пользовавшихся его довѣрчивостью и бывшихъ его замѣстителями? Но развѣ можетъ сдѣлать это онъ — мирный буржуа, представитель солидной торговой фирмы, всѣми уважаемый? Могъ ли онъ забросать грязью имя жены передъ людьми, которые такъ уважали ея память? Вѣдь ихъ родные и друзья видѣли въ ней чистаго ребенка, не подозрѣвая объ ея ужасной испорченности...

Нельзя было думать и о разводѣ, когда всему земному уже пришелъ конецъ... Геренбекъ зарыдалъ. Она уже понесла наказаніе! Она умерла!

Казалось, все кругомъ должно было рушиться вмѣстѣ съ его умершимъ счастьемъ. Но въ комнатѣ, попрежнему, было тихо, свѣтло и уютно. Только кошечка прыгала по ковра, да аппаратъ стоялъ около него, скрывая таинственную жизнь, всегда готовый зазвучать хоромъ голосовъ, замуравленныхъ въ немъ. Да слышалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ все это? Не терзали ли его призраки, созданные больнымъ воображеніемъ?

Усталой рукой поставилъ онъ еще одинъ валикъ. И сонъ, на которомъ основывалась его любовь, исчезъ, растаявъ гдѣ-то, спугнутый этимъ нѣжнымъ голосомъ обожаемой женщины. Медленно остановилъ обманутый мужъ аппаратъ. Онъ зналъ, что никогда не будетъ въ силахъ разстаться съ этимъ доказательствомъ своего позора, съ этой коллекціей голосовъ, одинъ изъ которыхъ былъ когда-то для него музыкой, вносилъ поэзію въ его трудовую однообразную жизнь. Онъ зналъ, что каждый день будетъ заводить эту дьявольскую машину!

Наступалъ часъ, сѣющій по землѣ золото и розы и предшествующій сумеркамъ. Небо постепенно охватывалось пламенемъ заката.

Мужчинѣ это казалось яркой краской стыда, заливавшей все вокругъ.

Я уже собирался сказать, что ордеръ у меня мало, а желающихъ ими саріать. За неисполненіе сего предп- санія виновные будутъ преданы суду».

воспользоваться очень много, а потому ордера будутъ распределены по жребію, но въ это время въ мой кабинетъ совершенно неожиданно вошелъ мужъ очаровательной дамочки.

— Эге, господинъ уполномоченный! Это еще что значитъ? Почему вы упали на колѣни передъ моей женой?

И глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Я... я,—сказалъ я,—нахожусь при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Я хотѣлъ убѣдиться,—дѣйствительно-ли ваша супруга испытываетъ острую нужду въ чулкахъ.

— А, это другое дѣло,—успокоился онъ,—тогда пишите ордеръ на чулки. А мнѣ приложите печать на докторское удостовѣреніе въ остромъ малокровіи и необходимости, какъ больному, получить бѣлую муку.

Посмотрѣлъ я на его красную физиономію, но дѣлать было нечего. Написалъ... и приложилъ печать.

Вотъ чѣмъ объяснялось появленіе въ моемъ снѣ непрошенной дамской ножки.

Утро мое началось съ чтенія только-что полученныхъ предписаній, декретовъ и распоряженій отъ разныхъ лицъ и учреждений.

Я подсчиталъ сумму штрафа, который мнѣ пришлось бы уплатить въ случаѣ уклоненія отъ исполненія всѣхъ этихъ предписаній. Она выразилась въ суммѣ 24-хъ тысячъ рублей.

Но всѣ предписанія, кромѣ одного, были легко исполнимы и потому я, вѣрный своему принципу быстро и неуклонно исполнять приказанія отъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ, коль скоро эти всѣ, всѣ, всѣ опираются на штыки, штыки и штыки, былъ совершенно спокоенъ.

Только отъ одного предписанія меня слегка бросило въ потъ. Вотъ его содержаніе:

«Предписываю уполномоченному, въ случаѣ появленія какого-либо лица за какими бы то ни было свѣдѣніями съ документами отъ имени Главнаго Штаба «Коморры народной расправы», таковое лицо немедленно задержать и доставить въ Комитетъ Охраны г. Петрограда, Гороховая 2, или въ ближайшій комис-

— «Задержать и доставить»...

Легко сказать. А какъ его задержишь, когда изъ средствъ самообороны мнѣ, какъ уполномоченному, разрѣшено имѣть только одно оружіе—свистокъ. Швейцариха, несмотря на свои пятьдесятъ два года, находится на девятомъ мѣсяцѣ интереснаго положенія, а дворниковъ и съ собаками никогда не сыщешь. Что же касается наружной охраны домовъ, то ее тоже никто не видитъ, такъ какъ, не будучи вооруженной, она предпочитаетъ по ночамъ сидѣть гдѣ-нибудь въ чайной или у себя на квартирахъ.

Мои размышленія прервалъ рѣзкій звонокъ и шумъ и крики во дворѣ дома.

Я отворилъ двери.

Въ переднюю ворвалась дама изъ номера 2-го.

— У насъ во дворѣ двойное убійство! А вы, уполномоченный, сидите дома и ничего не видите!—крикнула она и хотѣла упасть въ обморокъ, но, оглянувшись и убѣдившись, что въ передней нѣтъ ни одного кресла, ограничилась истерикой востыку.

— Кого убили? Успокойтесь, сударыня,—сказалъ я.

— Крошку и Брошку зарѣзали! Это была единственная отрада и утѣшеніе въ моей жизни,—стонала она.

Я бросился къ окну.

По срединѣ двора стоялъ испуганный китаецъ. Вѣроятно, онъ былъ бы очень блѣденъ, если бы не былъ такъ желтъ.

Вокругъ него уже скопилась огромная толпа, собравшаяся изъ всѣхъ квартиръ, кричавшая и жестикулировавшая съ явными признаками несомнѣннаго желанія учинить самосудъ надъ китайцемъ.

— Уполномоченнаго сюда! Зовите уполномоченнаго! — визжали женщины.

Черезъ минуту я былъ во дворѣ.

По къ этому времени общая картина уже измѣнилась.

Толпа замѣтно успокоилась и внимательно слушала жиличку изъ № 48-го, прославившуюся своими ораторскими способностями на нашихъ общихъ собраніяхъ жильцовъ дома. Взгромоздившись на какой-то ящикъ рядомъ съ китайцемъ, она выкрикивала:

— Граждане и гражданки! Конечно онъ ихъ зарѣзалъ! Но кого зарѣзалъ? Крошку и Брошку! А кто такіа Крошка и Брошка? Жирныя буржуйскія суки мопсиной породы! А вѣдомо вамъ, товарищи, что жрутъ кажинный день эти твари? Жрутъ мясо, жрутъ овсянку, пьютъ молоко! И это тогда, когда пролетаріатъ голодаетъ! Я намеренъ для дѣтей хотѣла купить у чухонки бутылку молока, а она мнѣ и говоритъ: «Нѣтъ, я на мѣсто несу. Тамъ мнѣ помѣсячно дороже платять». А это мѣсто и есть въ этомъ самомъ второмъ номерѣ, гдѣ мопсы жили. Нѣтъ, товарищи, довольно нашего молока попили! Долой мопсовъ! Спасибо ходѣ за услугу!

— Правильно, Лукерья Степановна, правильно! Долой всѣхъ собакъ! Самимъ жрать нечего. Смерть имъ! Да здравствуетъ ходя!—кричала толпа.

Китайцу было разрѣшено спрятать истекавшіе кровью трупы Крошки и Брошки въ мѣшокъ и удалиться съ миромъ.

Въ 11 ч. утра я былъ уже въ продовольственной управѣ, гдѣ два часа простоялъ въ хвостѣ на хлѣбныхъ карточкахъ.

Отъ нечего дѣлать я изучалъ благородныя черты другихъ уполномоченныхъ, на лицахъ которыхъ было написано страданіе, забота, переутомленіе и недоуданіе.

На стѣнѣ висѣло объявленіе: «Простать соблюдать тишину». А подъ объявленіемъ двѣ упитанныя служащія управскія дамы, судя по внѣшности, получавшія не менѣе восьми фунтовъ хлѣба въ день, такъ кричали на посѣтителей, что входившіе въ управу новыя посѣтителы спрашивали:

— Гдѣ, кто, кого и за что бить?..

Въ часъ дня я уже въ одиннадцатый разъ заѣхалъ въ центральный комитетъ домовыхъ уполномоченныхъ, чтобы узнать о судьбѣ денегъ, собранныхъ по подпискамъ въ видѣ задатка на обувь американской фирмой Джи со всего Петрограда. Но здѣсь окончательно узналъ, что ни обуви, ни задатковъ получить нельзя, такъ какъ председатель комитета, подъ флагомъ котораго Джи собиралъ деньги, куда то исчезъ, а самъ Джи, хотя и арестованъ, но деньги уже успѣлъ припрятать въ надежное мѣсто.

Обманутые обыватели волновались, кричали, грозили разнести всю контору, но это дѣлу не помогло. И мнѣ предстояла неприятная перспектива объясненій съ жильцами моего дома, внесшими деньги черезъ меня, своего уполномоченнаго.

Побывавъ еще въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ по дѣламъ Домоваго Комитета, я, не удовлетворившись пообѣдать, до 10 ч. вечера раздавалъ своимъ ѣдокамъ продовольственные карточки.

Въ 11 ч. я провѣрилъ внутреннюю охрану дома и, убѣдившись въ томъ, что все обстоитъ благополучно, такъ какъ у открытыхъ воротъ никого не было: дворники мирно играли въ карты въ дворницкой сосѣдняго дома, швейцариха, сберегая силы для произведенія на свѣтъ новаго гражданина Петроградской коммуны, уже покоилась мирнымъ сномъ и нигдѣ не было слышно криковъ о помощи, вернулся домой и сталъ раздѣваться. Но лишь только я юркнулъ подъ одѣяло, какъ раздался звонокъ.

Зная, что нѣкоторые изъ ѣдоковъ нашего дома предпочитаютъ приходить за карточками ночью, я спокойно одѣлся халатъ и открылъ двери.

Въ переднюю стремительно вошли три молодыхъ человека, о наружности которыхъ никакъ нельзя было бы сказать, что она слишкомъ пріятна.

— Вы уполномоченный? — спросили они хоромъ.

— Я.

— Дайте-ка намъ списокъ квартиръ, въ которыхъ проживаютъ жида, — опять хоромъ спросили они.

— А вы кто такіе будете? — робко освѣдомился я.

— Мы отъ штаба «Каморры народной расправы»!

— А ваши мандаты... — залепеталъ я, чувствуя, что ноги мои начинаютъ трястись.

Въ отвѣтъ на это всѣ трое, какъ по командѣ, выхватили изъ кармановъ огромные ноганы и, направивъ дула прямо на меня, опять таки хоромъ проговорили: — Вотъ они!

— Товарищи, пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, — сказалъ я уже совсѣмъ храбро.

Они послѣдовали за мной.

ная обязанности уполномоченнаго, — сказалъ я.

Правда, у меня въ 13-мъ номерѣ сейчасъ живетъ віолончелистъ Афроимъ Шмуйловичъ Кивманъ, но, воспользовавшись декретомъ о свободной перемѣнѣ фамиліи, онъ уже давно превратился въ Николая Ивановича Трусова о чемъ и свидѣтельствовала мѣдная доска на дверяхъ его квартиры.

О немъ я, конечно, благоразумно умолчалъ.

— Ну, тогда, значитъ, намъ ничего больше не остается здѣсь дѣлать, — сказали хоромъ каморристы и уже собирались уходить.

— Пойдите, — сказалъ я имъ, предлагая сигары, — помогите, товарищи, исполнить мнѣ свой гражданскій долгъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросили они.

— Давотъ — эта бумажка... Посоветуйте мнѣ, какъ ее выполнить. Иначе я попаду подъ судъ — и я покажѣ имъ предписаніе о задержаніи и препровожденіи ихъ въ комиссаріатъ.

И тутъ свершилось чудо.

Сдобренные моими сигарами, они пригласили меня сѣсть въ кресло, подхватили какъ перышко на руки и, арестовавши съ, мигомъ доставили въ комиссаріатъ.

Когда меня вносили по лѣстницѣ во второй этажъ, я чувствовалъ себя триумфаторомъ, мечталъ о славѣ и наградѣ, ну хотя бы въ видѣ права на дополнительную карточку на хлѣбъ...

Но въ этотъ торжественный моментъ одинъ изъ каморристовъ поскользнулся и упалъ. Я грохнулся вмѣстѣ съ кресломъ въ пролетъ лѣстницы и — проснулся.

Увы — то былъ лишь сонъ.

Оказалось, что, юркнувъ послѣ дневныхъ трудовъ подъ одѣяло, я отъ переутомленія мгновенно заснулъ. Но все остальное, что произошло до погруженія моего въ сонъ, было на яву, что и свидѣтельствую своею подписью съ приложеніемъ печати Домоваго Комитета.

Предсѣдатель Домоваго

Комитета Писер-О

— Теперь, товарищи, я вижу, что всѣ ваши документы въ порядкѣ, а потому могу выдать нужные вамъ справки. Я развернулъ домовую вѣдомость.

Въ это время одинъ изъ моихъ гостей, увидѣвъ на столѣ телефонъ и ножницы, взялъ ножницы, перерѣзалъ шнуръ, а телефонную трубку спряталъ къ себѣ въ карманъ.

— Вотъ видите-ли, — сказалъ я, дѣлая видъ, что совершенно не замѣтилъ манипуляцій съ телефономъ, — здѣсь въ 11-мъ номерѣ у насъ жило еврейское семейство доктора. Но я ихъ выкурить уже своими средствами ради общаго спокойства всего дома.

— Прравильно, — единогласно замѣтило тріо.

— А больше во всемъ домѣ ни одного еврея нѣтъ и не будетъ, пока я испол-